

Л. ЛУКИНА, Е. ЛУКИН
**ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ
В ПОДВОРОТНЕ**

ВЕЧЕ

Евгений Юрьевич Лукин
Любовь Александровна Лукина
Летним вечером в подворотне
Серия «Новая библиотека
приключений и научной фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55710504

Летним вечером в подворотне : повести, рассказы, миниатюры / Л.

Лукина, Е. Лукин: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8250-2

Аннотация

Любовь и Евгений Лукины – одни из наиболее ярких представителей поколения отечественных фантастов, вошедшего в литературу в 1980-е годы. Их повести и рассказы – то гомерически-смешные, то трагически-грустные – сразу же попадали в поле зрения читателей, становились украшением различных сборников и антологий. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что они прошли испытание временем.

В книги «Летним вечером в подворотне» и «Отдай мою посадочную ногу» впервые включены все произведения, написанные звёздным дуэтом.

Содержание

Вторжение	4
Пятеро в лодке, не считая Седьмых	58
Часть 1. Туманно утро красное, туманно	58
Часть 2. Бысть некая зима	71
Часть 3. Из-за острова на стрежень	88
Эпилог	97
Разрешите доложить!	99
Глава 1	99
Глава 2	113
Глава 3	125
Глава 4	134
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Любовь Лукина, Евгений Лукин Летним вечером в подворотне

Вторжение

1

Лейтенант Акимушкин нервничал. Он сидел неестественно прямо, и рука его, сжимавшая молоточкообразный микрофон, совершала произвольные заколачивающие движения, словно лейтенант осторожно вбивал в пульт невидимый гвоздь.

Наконец Акимушкин не выдержал и, утопив на микрофоне кнопку, поднёс его к губам.

– «Управление», ответьте «Старту»!

– «Управление» слушает, – раздался из динамика раздражённый голос Мамолина.

– Сеня, ну что там? – взмолился Акимушкин. – Сколько ещё ждать?

– «Старт», отключитесь! – закричал Мамолин. – Вы мешаете! Пока ещё ничего не ясно! Разберёмся – сообщим.

Динамик замолчал.

Акимушкин тычком вставил микрофон в зажим и посмотрел на свои руки. Дрожали пальчики, заметно дрожали. Словно не они каких-нибудь пятнадцать минут назад быстро и точно нажимали кнопки, вздымая на дыбы пусковые установки. Пятнадцать минут назад в грохоте пороховых ускорителей, проникшем даже сюда, внутрь холма, закончился первый бой лейтенанта Акимушкина.

А теперь вот у него дрожали руки. Эти пятнадцать минут бездействия и ожидания, последовавшие за победным воплем Мамолина: «Уничтожена вторая!» – оказались хуже всякого боя.

Тут Акимушкин вспомнил, что в кабине он не один, и, поспешно сжав пальцы в кулак, покосился на Царапина. Старший сержант, сгорбясь – голова ниже загривка, – сидел перед своим пультом и что-то отрешённо бормотал себе под нос. Вид у него при этом, следует признать, был самый придурковатый.

Умный, толстый, картавый Боря Царапин. Глядя на него, лейтенант занервничал ещё сильнее. Такое бормотание Царапина всегда кончалось одинаково и неприятно. Оно означало, что в суматохе упущено что-то очень важное, о чём сейчас старший сержант вспомнит и доложит.

В динамике негромко зашумело, и рука сама потянулась

к микрофону.

– «Кабина», ответьте «Пушкам»! – рявкнул над ухом голос лейтенанта Жоголева.

– Слушаю. – Акимушкин перекинул тумблер.

– Так сколько всего было целей? – заорал Жоголев. – Две или три?

– Ну откуда же я знаю, Валера! Мамолин молчит... Похоже, сам ничего понять не может.

– До трёх считать разучился?

– А это ты у него сам спроси. Могу соединить.

Разговаривать с Мамолиным свирепый стартовик не пожелал.

– Чёрт-те что! – в сердцах охарактеризовал Акимушкин обстановку, отправляя микрофон на место.

– Хорошо... – неожиданно и как бы про себя произнёс Царапин.

– А чего хорошего? – повернулся к нему лейтенант.

– Хорошо, что не война, – спокойно пояснил тот.

В накалённом работающей электроникой фургончике Акимушкина пробрал озноб. Чтоб этого Царапина!.. Лейтенант быстро взглянул на часы. А ведь сержант прав: все вероятные сроки уже прошли. Значит, просто пограничный инцидент. Иначе бы здесь сейчас так тихо не было, их бы уже сейчас утюжили с воздуха... Но каков Царапин! Выходит, всё это время он ждал, когда на его толстый загривок рухнет «минитмен».

– Типун тебе на язык! – пробормотал Акимушкин.

Действительно, тут уже что угодно предположишь, если на тебя со стороны границы нагло, в строю идут три машины. Или всё-таки две?

– Не нравится мне, что прикрытия до сих пор нет, – сказал Царапин.

– Мне тоже, – сквозь зубы ответил Акимушкин.

«Вот это и называется – реальная боевая обстановка, – мрачно подумал он. – Цели испаряются, прикрытия пропадают без вести, связи ни с кем нет – поступай как знаешь!..»

Он взглянул на Царапина и ощутил что-то вроде испуга. Старший сержант опять горбился и бормотал.

– Ну что ещё у тебя?

– Товарищ лейтенант, – очнувшись, сказал Царапин. – Полигон помните?

– Допустим. – Акимушкин насторожился.

– А ведь там легче было...

– Что ты хочешь сказать?

– Помех не поставили, – со странной интонацией произнёс Царапин. – Противоракетного манёвра не применили. Скорость держали постоянную...

– Отставить! – в сильном волнении крикнул Акимушкин. – Отставить, Царапин! – и дальше, понизив голос чуть ли не до шёпота: – Ты что, смеёшься? Лайнер – это всегда одиночная крупная цель! А тут – три машины строим! Да ещё на такой высоте!.. Попробуй-ка лучше ещё раз связать-

ся со штабом.

Царапин, не вставая, дотянулся до телефона, потарахтел диском. Но тут в кабину проник снаружи металлический звук – это отворилась бронированная дверь капонира. Лицо лейтенанта прояснилось.

– Вот они, соколики! – зловеще сказал он.

– Это не из прикрытия, – положив трубку, с тревогой проговорил Царапин, обладавший сверхъестественным чутьём: бывало, по звуку шагов на спор определял звание идущего.

Кто-то медленно, как бы в нерешительности прошёл по бетонному полу к кабине, споткнулся о кабель и остановился возле трапа. Фургон дрогнул, слегка покачнувшись на рессорах, звякнула о металлическую ступень подковка, и в кабину просунулась защитная панама, из-под которой выглянуло маленькое, почти детское личико с удивлённо-испуганными глазами. Из-за плеча пришельца торчал ствол с откинутым штыком.

Акимушкин ждал, что скажет преданно уставившийся на него рядовой. Но поскольку тот, судя по всему, рта открывать не собирался, то лейтенант решил эту немую сцену прекратить.

– Ну? – сказал он. – В чём дело, воин?

– Товарищ лытенант, – с трепетом обратился воин, – а вы их збылы?

– Збылы, – холодно сказал Акимушкин. – Царапин, что это такое?

– Это рядовой Левша, – как бы извиняясь, объяснил Царапин. – Левша, ты там из прикрытия никого не видел?

– Ни, – испуганно сказал Левша и, подумав, пролез в кабину целиком – узкоплечий фитиль под метр девяносто.

– Як грохнуло, як грохнуло!.. – в упоении завёл он. – Товариш лытенант, а вам теперь орден дадут, да?

– Послушайте, воин! – сказал Акимушкин. – Вы что, первый день служите?

Левша заморгал длинными пушистыми ресницами. Затем его озарило.

– Разрешите присутствовать?

– Не разрешаю, – сказал Акимушкин. – Вам где положено быть? Почему вы здесь?

– Як грохнуло... – беспомощно повторил Левша. – А потом усё тихо... Я подумал... може, у вас тут усих вбыло? Може, помочь кому?..

Жалобно улыбаясь, он переминался с ноги на ногу. Ему очень не хотелось уходить из ярко освещённой кабины в неудобную ночь, где возле каждого вверенного ему холма в любую секунду могло ударить в землю грохочущее пламя. Последним трогательным признанием он доконал Акимушкина, и тот растерянно оглянулся на сержанта: что происходит?

Старший сержант Царапин грозно развернулся на вертящемся табурете и упёр кулаки в колени.

– Лев-ша! – зловеще грянул он. – На по-ост... бе-гом...

марш!

На лице Левши отразился неподдельный ужас. Он подхватился, метнулся к выходу и, грохоча ботинками, ссыпался по лесенке. Лязгнула бронированная дверца, и всё стихло.

– Дитё дитём... – смущённо сказал Царапин. – Зимой дал я ему совковую лопату без черенка – дорожку расчистить. Пришёл посмотреть – а он сел в лопату и вниз по дорожке катается...

– «Старт», ответьте «Управлению»! – включился динамик.

– Ну, наконец-то! – Акимушкин схватил микрофон. – Слушает «Старт»!

– Информировать, – буркнул Мамолин. – Границу пересекали три цели. Повторяю: три. Но в связи с тем, что шли они довольно плотным строем... Видимо, цель-три оказалась в непосредственной близости от зоны разрыва второй ракеты, была повреждена и, следовательно, тоже уничтожена. Пока всё. Готовность прежняя. «Старт», как поняли?

– Понял вас хорошо, – ошеломлённо сказал Акимушкин. С микрофоном в руке он стоял перед пультом, приоткрыв рот от изумления.

– Вот это мы стреляем! – вскричал он и перекинул тумблер. – «Шестая пушка», ответьте «Кабине»!

Жоголев откликнулся не сразу.

– Мамолин утверждает, что мы двумя ракетами поразили три цели, – сообщил Акимушкин. – И как тебе это нравится?

– Два удара – восемь дырок, – мрачно изрёк Жоголев. – Слушай, у тебя там прикрытие прибежало? Люди все на месте?

Царапин оглянулся на Акимушкина.

– У меня, Валера, вообще никто не прибежал, – сдавленно сказал тот. – Что будем делать?

– В штаб сообщил?

– Да нет связи со штабом! И послать мне туда некого! Не дизелиста же!..

– Ч-чёрт!.. – сказал Жоголев. – Тогда хоть Мамолину доложи. У меня нет двоих...

– Царапин, – позвал Акимушкин, закончив разговор. – Когда в штаб звонил – какие гудки были? Короткие? Длинные?

– Никаких не было, товарищ лейтенант. На обрыв провода похоже... – Царапин не договорил, встрепенулся, поднял палец. – Тише!..

Грохнула дверца капонира, по бетону гулко прогремели тяжёлые подкованные ботинки, фургон снова вздрогнул на рессорах, и в кабину ворвался ефрейтор Петров – бледный, без головного убора. В кулаках его были зажаты стволы двух карабинов. Качнулся вперёд, но тут же выпрямился, пытаясь принять стойку «смирно».

– Рядовой Петров... – задыхаясь, проговорил он, забыв, что неделю назад нашёл на погоны первую лычку, – по готовности... прибыл.

Белые сумасшедшие глаза на запрокинутом лице, прыгающий кадык...

Акимушкин стремительно шагнул к ефрейтору.

– За какое время положено прибегать по готовности?

Казалось, Петров не понимает, о чём его спрашивают.

– Я... – Он странно дёрнул шеей – то ли судорога, то ли хотел на что-то кивнуть. – Я через «Управление» бежал.

– Через «Управление»? – восхищённо ахнул Царапин. – А через Ташкент ты бежать не додумался?

– Почему вы бежали через «Управление», Петров?

– Фаланги, – хрипло сказал ефрейтор. – Вот...

И он не то потряс карабинами, не то протянул их лейтенанту. Акимушкин вопросительно посмотрел на протянутое ему оружие.

– Вот такие? – зло и насмешливо переспросил у него за спиной Царапин, и Акимушкин понял, что Петров пытается показать, какими огромными были эти фаланги.

– Ефрейтор Петров! – страшным уставным голосом отчеканил лейтенант. – Вы хоть сами сознаёте, что натворили? Вы знаете, что вас теперь ждёт?

Петров неожиданно всхлипнул.

– Да? – дико скривив лицо, крикнул он. – Агаев напрямую побежал, а где он теперь?.. Я хоть добежал!..

И Акимушкину стало вдруг жутковато.

– Где Агаев?

– Я ему говорю: «Нельзя туда, ты погляди, какие они...»

А он говорит: «Плевать, проскочим...»

– Где Агаев? – повторил Акимушкин.

– Они его убили, – с трудом выговорил ефрейтор.

– Кто?

– Фаланги.

Акимушкин и Царапин переглянулись.

– Чёрт знает что в голову лезет, – признался лейтенант. –

Я уже думаю: а может, эта третья цель перед тем, как развалиться, какую-нибудь химию на нас выбросила? Опиумный бред какой-то...

– Противогазы бы надеть на всякий случай... – в тоскливом раздумье пробормотал Царапин, потом вдруг вскинул голову и зрачки его расширились.

– Там же ещё Левша! – вспомнил он. – Петров! Когда подбегал, Левшу не встретил?

– Возле курилки ходит... – глухо отозвался Петров.

– Царапин, – приказал лейтенант, – иди посмотри. Предупреди, чтобы не удалялся от капонира, и... наверное, ты прав. Захвати противогазы. Петров, за пульт!

Царапин сбежал по лязгающей лесенке на бетонный пол. Плечом отвалив дверцу в огромных металлических воротах (руки были заняты сумками), он выбрался наружу. После пекла кабины душная ночь показалась ему прохладной. Над позициями дивизиона стояла круглая голубоватая азиатская луна. Песок был светло-сер, каждая песчинка – ясно различима. Справа и слева чернели густые и высокие – где по ко-

лено, где по пояс – заросли янтака. Сзади зудел и ныл работающим дизелем холм – мохнатый и грузный, как мамонт.

Ночь пахла порохом. В прямом смысле. Старт двух боевых ракет – дело нешуточное.

Озираясь, Царапин миновал курилку – две скамьи под тентом из маскировочной сети – и остановился. Чёрные дебри янтака здесь расступались, образуя что-то вроде песчаной извилистой бухточки. А впереди, метрах в пятнадцати от Царапина, на светлом от луны песке лежал мёртвый рядовой Левша.

2

Некоторое время Царапин стоял неподвижно, потом пальцы его сами собой разжались, и сумки мягко упали в песок. Внезапно оглохнув или, точнее, перестав слышать зудение дизеля за спиной, он приблизился к лежащему, наклонился и осторожно тронул за плечо. Луна осветила детское лицо с остановившимися удивлённо-испуганными глазами. Нигде ни ножевой раны, ни пулевого отверстия. Просто мёртв.

И Царапин понял, что сейчас произойдёт то же самое, от чего погиб Левша, но мишенью уже будет он сам. Ровный волнистый песок и луна – промахнуться невозможно. По логике следовало забрать оружие, документы – и перебежками, не теряя ни секунды, попробовать вернуться к холму. Вместо этого он совершил нечто, казалось бы, абсолютно неле-

пое и бессмысленное. Старший сержант Царапин и сейчас не смог бы толком объяснить, что его заставило тогда лечь рядом с телом Левши и притвориться мёртвым. Потому что шаги он услышал лишь несколько секунд спустя.

Тихие, неторопливые, они не могли принадлежать ни офицеру, ни рядовому. Так вообще никто не ходит – что-то жуткое было в математически равных паузах между шагами. Ближе, ближе... Остановился.

Царапин перестал дышать. Кто-то стоял над ним, словно размышляя, откуда здесь взялись два мёртвых тела, когда должно быть одно. Всё стало вдруг чужим, враждебным, даже песок, на котором лежал Царапин, и возникло нестерпимое желание прижаться к мёртвому Левше.

Время оцепенело. Казалось, эти секунды никогда не истекут. Наконец песок скрипнул раз, другой, и шаги мерно зазвучали, удаляясь в сторону холма, мимо курилки. «В капонир пошёл», – со страхом понял Царапин, и пальцы сами собой сомкнулись на стволе карабина, лежащего между ним и Левшой. А тот снова остановился. Сейчас он откроет дверцу, войдёт в капонир – и...

Царапин рывком встал на колени, вскидывая карабин. Сдвоенное металлическое клацанье затвора показалось нестерпимо громким. А тот действительно стоял уже перед массивными железными воротами – высокий, чёрный, страшный, и луна бликовала на его голом черепе.

Оглушительно лопнул выстрел, приклад наспех вскину-

того карабина ударил в плечо. Царапин целил между лопаток, но ствол дёрнуло, пуля ушла выше – в голову. Чёрного бросило к воротам. Падая, он нелепо извернулся всем телом, словно пытался ещё оглянуться.

Царапин тяжело поднялся с колен и, держа карабин наперевес, двинулся к лежащему. Но, сделав несколько шагов, он вспомнил, что тот – только что – точно так же шёл к капониру, шёл спокойно, уверенный в собственной безопасности, не зная, что сзади человек, которого он счёл мёртвым, уже послал карабин к плечу. Царапин ощутил позвоночником чей-то снайперский – поверх прицела – взгляд и, вскрикнув, метнулся в сторону. Вздывая песок, упал за курилкой, замер. Выждав, снова поднялся на колени и без стука положил ствол на доску скамейки.

Прошло пять секунд, десять, потом раздалось негромкое «пафф...», – и там, где недавно лежал Царапин, вспыхнул и опал бледно-фиолетовый пузырь света. Голова и плечи Левши исчезли, как откушенные, ноги почернели, по ним забежали синеватые язычки пламени.

Царапин ждал. Он не чувствовал уже ни волнения, ни боязни – ничего, кроме ненависти к тем, кто творил на его глазах страшное и непонятное. И наконец – вот оно! Из зарослей янтака бесшумно, как привидение, поднялся и выпрямился в лунном свете второй – такой же высокий и чёрный. Царапин ошибся. То, что он принимал за лысый череп, оказалось плотно облегающей голову противогазной маской,

непривычной на вид – без хобота, с уродливым респиратором и линзообразными круглыми окошками.

Царапин задержал дыхание и, как в тире, аккуратно, с упора, вдолбил ему заряд точно в середину груди. Тот ещё падал, медленно сламываясь в поясе, когда у ворот сухо, один за другим, треснули два пистолетных выстрела. Это палил из «макарова» выбежавший на звуки стрельбы лейтенант Акимушкин.

Царапин перепрыгнул через скамейку, пистолет в руке Акимушкина дёрнулся в его сторону, но, к счастью, лейтенант вовремя узнал своего оператора.

И вот тут она выскочила из зарослей. Петров не соврал – тварь действительно была очень похожа на огромную фалангу – мохнатый отвратительный паук с полуметровым размахом лап. Царапин успел выставить ногу, и металлически поблёскивающие челюсти со скрипом вонзились в каблук. Царапин в ужасе топтал её, пинал свободной ногой, бил прикладом, но хватка была мёртвой. Наконец он изловчился и, оперев её в прочную гладкую спину штык, нажал на спусковой крючок. Грохот, визг, в лицо ударило песком – хорошо, что хоть зажмуриться догадался... Возле ног выбило хорошую яму, а фалангу разнесло на две части, большая из которых конвульсивно ползла по кругу, упираясь тремя уцелевшими лапами.

Сзади раздался предупреждающий крик лейтенанта. Сержант обернулся и увидел, что прямо в лицо ему летит вторая

такая же тварь. Он отбил её на песок штыком и расстрелял в упор.

Выставив перед собой карабин и не сводя глаз с чёрных спутанных джунглей янтака, Царапин пятился до тех пор, пока не поравнялся с Акимушкиным. Теперь они стояли спиной к спине.

– Где Левша? – отрывисто спросил лейтенант.

Царапин молча ткнул подбородком туда, где догорало то, что осталось от рядового Левши.

Акимушкин взглянул – и, вытянув шею, подался вперёд.

– Кто это? – Голос лейтенанта упал до сдавленного шёпота. Глаза выкатились и остекленели. – Царапин, что они с ним сделали?..

– Жоголева предупредить надо, – хрипло сказал Царапин. – И «Управление» тоже...

Вместо ответа лейтенант, скрипнув зубами, вскинул пистолет. Третья «фаланга», подброшенная пулей, в туче песка метнулась в заросли. И сейчас же в отдалении послышался ещё один выстрел, затем второй, третий. Это вступила в бой шестая пусковая установка, расчёт лейтенанта Жоголева.

– Предупредили!.. – Акимушкин злобно выругался и тут только заметил лежащего. – Он что, сюда шёл?.. В капонир?

Царапин молча кивнул. «Сейчас я подойду к нему, – угрюмо думал он. – Подойду и сорву с него эту идиотскую маску. Просто посмотреть, какое лицо должно быть у сволочи, которая могла убить Левшу...»

Лейтенант опередил его.

– Кто они хоть такие? – И, не дожидаясь ответа, шагнул к тёмному расprostёртому навзничь телу.

Царапин видел, как Акимушкин наклонился, всмотрелся и вдруг, издав нечленораздельный вскрик, отпрянул.

«Здорово же я его изуродовал, – мелькнуло у Царапина. – Полчерепа точно снёс...»

Он подошёл к лежащему, присел на корточки, положив карабин на колени, взялся за респиратор – и тут же отдернул руку. За какие-нибудь доли секунды он понял всё.

Он ошибся дважды. Это была не маска. Это было лицо. Страшное. Нечеловеческое.

На Царапина смотрели мёртвые линзообразные глаза с вертикальными кошачьими зрачками, а то, что он принял за причудливый респиратор, оказалось уродливыми челюстями, вернее – жвалами, потому что они, судя по всему, двигались не в вертикальной плоскости, а как у насекомых – в горизонтальной.

– Ты видишь?.. Ты видишь?.. – захлёбывался Акимушкин, тыча стволом пистолета в лежащего. – Царапин, ты видишь?..

Они чуть было не прозевали незаметно подкравшуюся «фалангу» – скорее всего ту самую, третью, потому что у неё не доставало двух лап, видимо, отхваченных пульей из лейтенантского «макарова». Они расстреляли её в клочья, потратив в два раза больше патронов, чем требовалось.

На шестой пусовой прозвучали два выстрела подряд.

– До-ло-жить!.. – низким чужим голосом выговорил Акимушкин. – Немедленно обо всём до-ло-жить!..

Его сотрясала дрожь. Он боком пошёл к воротам, словно опасаясь повернуться к лежащему спиной.

– До-ло-жить... – лихорадочно повторял и повторял он. – Доложить немедленно...

В проёме белело искажённое лицо Петрова. Ефрейтор смотрел на растерзанную выстрелами «фалангу», и карабин в руках у него прыгал. Встретясь с Петровым взглядом, лейтенант немного опомнился.

– Петров! – бросил он. – Всё отставить... Будем считать, что ты действовал по обстановке. Иди поохраняй. Только затвор сразу передёрни и... ради бога, осторожнее! Царапин, ты – со мной, в кабину!

В фургончике давно уже гремел и бушевал голос Жоголева. Акимушкин схватил микрофон.

– Слушает «Кабина»!

– Ты!.. – Жоголев задохнулся. – Ты где ходишь? Что у вас там творится?

– То же, что и у вас!

Они поняли друг друга с полуслова.

– «Фаланги»? – быстро спросил Жоголев.

– Если бы только «фаланги»!

– А что ещё?

– Валера! Слушай меня внимательно. Если появятся та-

кие долговязые, чёрные... скажи своим, чтобы немедленно открывали огонь! Как понял?

– Чёрные? – ошалело переспросил Жоголев. – В смысле – негры?..

– Какие, к чёрту, негры?.. Как увидишь – сам всё поймёшь! Отключись пока!

Акимушкин перекинул тумблер.

– «Управление», ответьте «Старту»!

– Слушает «Управление», – послышался в динамике откуда-то из другого мира ясный, спокойный голос старшего лейтенанта Мамолина.

– Докладывает «Старт»! Сеня, нас только что атаковали!

Судя по тишине в динамике, все в «Управлении» замерли после этих слов. Слышно было, как кто-то метрах в трёх от микрофона переспрашивает: «Что? Что он сказал?»

– Атаковали? – с безмерным удивлением вымолвил Мамолин. – Как атаковали? Кто?

– Не знаю! Если ещё не прервана связь с бригадой, сообщи немедленно – уже есть потери. У меня убит Левша и, предположительно, Агаев. У Жоголева двое пропали без вести. И самое главное... Самое главное... Ты вот о чём предупреди...

Он замолчал решаясь.

– В общем так, Сеня, – с усилием выговорил он. – Это не люди.

Мамолин переваривал услышанное.

– Не люди? – озадаченно переспросил он. – А кто?

– Не знаю... – вздрогнув, сказал Акимушкин. – Монстры, дьяволы, пришельцы из космоса!.. И вот ещё что доложи: у них огромные «фаланги»...

– Фаланги пальцев? – туповато уточнил Мамолин.

– Пауки! – рявкнул Акимушкин. – Три года в Средней Азии служишь – фаланг не знаешь? Огромные пауки, здоровые, как собаки!

– Акимушкин! – взвизгнул Мамолин. – Ты... Ты что, пьяный? Я сейчас в бригаду сообщу!..

В динамике что-то негромко, но отчётливо хлопнуло, затем он взорвался неразборчивым бормотанием и умолк. Это Мамолин отпустил кнопку на своём микрофоне.

– Ну вот и до них добрались, – очень спокойно, почти безразлично заметил Царапин.

Перед капониром дважды ударил карабин Петрова.

– Иди помоги ему! – бросил Акимушкин, и Царапин, спрыгнув на бетонный пол, побежал к воротам.

Ночь оглушила его. Лунное серое небо свистело и выло реактивными двигателями. «Неужели всё-таки война? – беспомощно подумал Царапин. – Но с кем? Не с этими же...» Где-то севернее возник жуткий повышающийся вой – что-то большое и тяжёлое падало с огромной высоты. Петров и Царапин ждали. «Ддумм»...» – донеслось из-за третьей пусковой, словно чугунная болванка врезалась в землю.

– Не взорвалось, – с удивлением сказал Петров.

В песке были выбиты две новые воронки, рядом дёргались мохнатые суставчатые лапы очередной «фаланги».

– А эти не появлялись? – спросил Царапин, кивнув на лежащего и невольно задержав на нём взгляд. Насекомое, просто огромное насекомое... Немудрено, что он принял эту личину за противогазную маску.

– Ну и морда у тебя, Петров... – с нервным смешком проворкотал он.

– Я! – встревоженно откликнулся ефрейтор.

– Нет, это я так... анекдот вспомнил...

Реактивный многоголосый рёв, затихая, смещался к северу.

– Я думал, бомбить будут, – признался Петров и, помолчав, тихо спросил: – А чем они так... Левшу?

Словно в ответ ему за капонирами, ближе к солдатскому городку, беззвучно вздулся и опал бледно-фиолетовый пучок света.

– А вот тем же самым, только поменьше, – не разжимая зубов, проговорил Царапин и вдруг умолк.

– Машина, что ли? – недоверчиво всматриваясь, спросил он.

Да, над капонирами дрожал светлый скачущий нимб – там, по песчаной лунной дороге, меж зарослей янтака, кишущих огромными пауками и чёрными дьяволами, на большой скорости шла машина с включёнными фарами – кто-то пробивался к ним со стороны городка.

– Может, они ещё ничего не знают? – неуверенно предположил Петров.

Царапин, не сводя глаз с тонкого лучистого зарева, отрицательно мотнул головой. Он не мог перепутать ни с чем бледно-фиолетовую вспышку – увеличенную копию той, что сожгла Левшу. Даже если люди в машине минуту назад не знали, что их здесь ждёт, то теперь они уже несомненно были в курсе.

Ночь к тому времени снова стала тихой, явственно слышался нарастающий шум мотора. Отчаянно сигналив, машина вылетела из-за капонира, осветив холм, ворота, курилку. Это был тяжёлый самосвал, и он шёл напрямиком к ним, гнал по зарослям, рискуя шинами.

Жуткая из-за непонятности своей подробность: над кабиной, словно корона, тлело вишнёво-розовым что-то причудливое и совершенно незнакомое.

Над верблюжьей колючкой в вертикальном высоком прыжке взлетела ополоумевшая «фаланга». Два карабина грянули одновременно, но, кажется, дали промах – стрелять пришлось влёт и против света.

Царапин и Петров молча смотрели на подъезжающий самосвал. Кузов его был поднят. Козырёк кузова и вся его верхняя часть потеряли привычные очертания, свесились вправо кружевным застывшим всплеском. Сквозь чёрную в лунном свете окалину розовел раскалённый металл. На переднем колесе моталась какая-то тряпка. Лишь когда само-

свал остановился перед воротами, стало ясно, что это – многократно раздавленная «фаланга», вцепившаяся жвалами в край протектора.

Дверца открылась, и из кабины полез командир стартовой батареи майор Костыкин – невысокий, плотный, плечи приподняты, под низко надвинутым козырьком в ночном освещении виден лишь крупный бугристый нос.

Мельком глянув на охраняющих, комбат повернулся к машине.

– Ну! – бросил он шофёру в белой от частых стирок панаме, который к тому времени выключил свет и, не решаясь открыть вторую дверцу, вылез тем же путем, что и Костыкин. – Кто был прав? Я ж тебе не зря сказал: подними кузов...

Внимание комбата привлекла вцепившаяся в крышку разлохмаченная «фаланга».

– Соображают... – чуть ли не с уважением буркнул он и лишь после этого повернулся к Царапину.

– Кто есть из офицеров?

– Лейтенант Акимушкин, лейтенант Жоголев на шестой пусковой, старший лейтенант Мамолин в «Управлении»...

Комбат неторопливо взялся за козырёк и сдвинул его ещё ниже на глаза.

– А ну пошли, – вполголоса приказал он Царапину и, подняв плечи выше обычного, шагнул к воротам. Проходя мимо чёрного мертвеца, искоса глянул на него, но шага не за-

медлил. Следовательно, имел уже счастье встретиться с ему подобными.

Комбата в казарме звали за глаза «дед» Костыкин. Прозвище – ёмкое, понятное любому военнослужащему и говорящее об огромном уважении.

Увидев майора, Акимушкин издал радостное восклицание и вскочил, собираясь приветствовать по уставу, но комбат жестом приказал ему не тратить времени зря.

– Какие потери?

Акимушкин доложил.

– В бригаде знают? – Майор уже сидел на вертящемся табурете в обычной своей позе – уперев кулаки в колени.

– Так точно!

– А кто докладывал?

– Мамолин.

– Хреново... – Майор схватил микрофон, щёлкнул тумблером. – «Управление» – «Старту»! Мамолин? Майор Костыкин с тобой говорит. Что доложил в бригаду?

– Докладил, что атаковали нас, товарищ майор. Но они требуют подробно!

– Подробно?.. – «Дед» Костыкин снова взялся за козырёк и сдвинул его ещё на миллиметр ниже. – Значит, пока я буду к вам добираться, передашь в бригаду от моего имени: «Атакованы неизвестными лицами. Национальность нападающих, а также принадлежность их к вооружённым силам какой-либо державы установить не можем. Противник приме-

нил неизвестное нам оружие массового поражения. Несём значительные потери. За командира дивизиона – майор Костыкин». Всё.

– Как – всё? – противу всех уставов вырвалось у Мамолина.

Царапин с Акимушкиным тревожно переглянулись.

– Товарищ майор! – Мамолин был совершенно сбит с толку. – Но ведь это же... Ведь они же...

– Я слушаю, – хмурясь, бросил комбат.

– Судя по всему, они... пришельцы из космоса, – запнувшись, выговорил Мамолин.

«Дед» Костыкин стремительно подался к пульту.

– А вот об этом – упаси тебя боже! А то пришлют тебе сейчас подкрепление... Грузовик с санитарями тебе пришлют! Не теряй времени, Мамолин! Без нас потом разберутся, что они за пришельцы.

3

Самосвал с поднятым кузовом канул в ночь.

– Ну теперь дело пойдёт! – возбуждённо приговаривал Акимушкин. – Теперь дело пойдёт!

Куда пойдёт и о каком деле речь, он не уточнял, но настроение у личного состава после наезда «деда» Костыкина заметно улучшилось. Только бы комбат благополучно добрался до «Управления», а там уж он разберётся, как кому

действовать.

Вдобавок «фаланги», словно напуганные таким поворотом событий, больше не показывались, прекратилась и стрельба на шестой пусковой. Такое впечатление, что вся эта ночная нечисть вновь отступила на обширный пустырь между огневыми позициями и солдатским городком.

Снаружи в дверцу капонира заглянул Петров.

– У меня патроны кончаются, – предупредил он.

Царапин достал из подсумка обойму и спустился из фургончика. Петров, оставив дверь открытой, вошёл в капонир и принялся дозаряжать карабин.

– Самосвалом их распугало, что ли? – заметил он, перегоняя патроны в магазин.

Царапин вспомнил раскалённый оплавленный кузов самосвала.

– Левшу я из кабины выгнал... – сказал он вдруг с тоской. – Потом выхожу, а он лежит...

У Петрова сразу заклинило патрон. Ефрейтор заторопился и, чертыхаясь, попробовал вогнать его дурной силой.

– Дай сюда «саксаул», – буркнул Царапин, имея в виду карабин. – А ты пока с моим выгляни...

Но тут снаружи донесся короткий шум, словно кто-то с маху бросился на песок. Потом что-то легонько стукнуло в металлические ворота.

Царапин и Петров метнулись в стороны от открытой дверцы. Только теперь они поняли, какой непростительной

ошибкой было оставить хоть на одну минуту подходы к капониру без охраны. Патроны в пальцах Петрова моментально перестали капризничать, и последний – десятый – туго вошёл в магазин. Теперь оба карабина были готовы к стрельбе. Но что толку, если те, снаружи, ударят по воротам вспышкой, которой они изуродовали кузов самосвала!

– Стой, кто идёт? – уставным окриком попытался вернуть себе уверенность Царапин.

Никто не отозвался. Но никакого сомнения: там, снаружи, кто-то был, кто-то стоял перед металлическими воротами.

– Стой, стрелять буду! – повысил голос Царапин и выразительно посмотрел на Петрова. Тот как можно громче и отчётливее передёрнул затвор.

– Я тебе постреляю! – неожиданно раздался звонкий и злой мальчишеский голос. – Я тебе сейчас туда гранату катну – ты у меня враз отстреляешься! Подними пушку, я входить буду!

В дверцу просунулись автомат и часть пятнистого маскировочного комбинезона. Потом высокий порог бесшумно переступил среднего роста круглолицый румяный парень с возбуждёнными глазами. Быстро оглядел капонир, таким же кошачьим движением перенёс через порог другую ногу. На поясе у него в самом деле располагалась пара гранат, а в правой руке, которой десантник придерживал автомат, поблёскивал клинок со следами отвратительной синей слизи.

– Офицеры есть?

Из кабины выглянул Акимушкин.

– Младший сержант Попов, – как-то небрежно растягивая слова, представился десантник. – Товарищ лейтенант, ракетчиков из зоны военных действий приказано эвакуировать.

– Позвольте, позвольте, сержант! – ошеломлённо запротестовал Акимушкин, не на шутку обиженный тоном и особенно словечком «эвакуировать». – Никакого приказа я не получал...

– «Старт» – «Управлению», – проворчал в кабине динамик голосом «деда» Костыкина, и Акимушкин скрылся.

– Акимушкин!.. – Слова комбата были хорошо слышны в гулком капонири. – Там к тебе сейчас придут парашютисты... Ах, уже прибыли?..

Десантник неодобрительно оглядывал Петрова с Царапиным.

– Артиллеристы! – выговорил он. – Что ж вы снаружи-то никого не выставили? К ним тут, понимаешь, диверсанты подползают...

Он заметил синюю слизь на лезвии и осёкся.

– Это что? – туповато спросил он.

– Это кровь, – тихо объяснил Царапин.

– Да пошёл ты!.. – испуганным шёпотом отозвался десантник.

Из фургончика по лесенке сбежал Акимушкин.

– Отступаем к «Управлению», – бодро оповестил он.

– Непонятно... – озадаченно пробормотал Царапин. – Со-

всем непонятно...

Последние события в цепочку никак не складывались. Сообщение Мамолина поступило в бригаду от силы десять минут назад. Можно ли сбросить десант за десять минут?.. Да какие там десять минут! Судя по всему, десант был сброшен в то самое время, когда Царапин выскочил на помощь Петрову, а над позициями выли самолётные двигатели. Сумасшедшая ночь!

Царапин ожидал, что, выйдя из капонира, он увидит на земле двух мёртвых монстров, но не увидел ни одного. Парашютисты успели их с какой-то целью припрятать. Вдвойне странно! Такое впечатление, что десантники были хорошо информированы – во всяком случае, действовали они толково и быстро, словно по наигранному плану.

Первым делом ракетчики извлекли из дизельной Бердыклычева, который долго не понимал, почему он должен, не выключая движка, покинуть свой фургончик и с карабином в руках отходить к «Управлению».

Откуда-то возник ещё один пятнистый десантник, отрекомендовавшийся прапорщиком Файзулиным.

– Отступать будете через пустырь, – бросил он Акимушкину. – Правее не забирайте – там сейчас пойдут танки.

Услышав про танки, Акимушкин и вовсе оторопел. Похоже, на них выбросили целый десантный корпус.

– Толпой идти не советую, – торопливо продолжал прапорщик. – Но и рассыпаться особенно не стоит. В общем,

держитесь пореже, но так, чтобы поплотнее. Ясна задача?

К нему подбежал парашютист с округлившимися глазами и принялся что-то тихо и сбивчиво докладывать.

– Что-о?! – шёпотом взревел прапорщик Файзулин, тоже округляя глаза.

Ага... Значит, десантники всё-таки не подозревали, с кем им предстоит иметь дело.

По ту сторону холма раздался взрыв. К кабине он явно никакого отношения не имел – рвануло где-то за курилкой. Из-под ног поползли короткие тени – это над позициями дивизиона закачались осветительные ракеты.

Царапин видел, как совсем рядом выдохнул дрожащее бьющееся пламя автомат прапорщика. Грохота он почти не услышал – очередь прозвучала тихо и глухо, как сквозь подушку. Уши заложило, но не тишиной и не звоном – это был неприятный и совершенно неестественный звук. Шорох, если шорох может быть оглушительным. Словно бархоткой повели по барабанным перепонкам.

Пятнистые комбинезоны метнулись в пятнистый сумрак и исчезли. Акимушкин, беззвучно разевая рот, махал пистолетом в сторону «Управления» – видимо, приказывал отходить.

Они побежали к песчаному пустырю, где их чуть было не вмял в грунт разворачивающийся на скорости лёгкий танк, которому, по словам прапорщика Файзулина, надлежало в этот момент находиться несколько правее.

Потом онемевшая ночь словно очнулась и яростно загрохотала порохом и металлом.

– Дизэл!.. – прорыдал в ухо голос Бердыклычева, а дальше воздух, став упругим, почти твёрдым, ударил в спину, бросил лицом в песок.

Когда Царапину удалось подняться, вокруг уже шёл бой. Чёрный сон, таившийся в ночных зарослях, накопил силы и пошёл в наступление.

Дерзко, не прячась, перебежали «фаланги», на которых теперь никто не обращал внимания, потому что со стороны городка надвигалось кое-что посерьёзнее.

В метре над песком, все в лунных бликах, распространяя вокруг себя всё тот же оглушительный шорох, плыли невиданные жуткие машины – гладкие, панцирные, до омерзения живые, шевелящие массой гибких, как водоросли, антенн, с которых слетали зыбкие бледно-фиолетовые луны, и от прикосновения этих лун горел янтак и плавился песок.

Одна из машин, увлекая за собой другую, вырвалась далеко вперёд и шла прямо на Царапина, а он стоял в рост и заворожённо смотрел на неё, уронив бесполезные руки, в которых не было теперь ни карабина, ни даже камня. Невероятно, но Царапин уже пережил когда-то этот миг, уже надвигались на него чужие, испепеляющие всё на своём пути механизмы, и знакомо было это чувство беспомощности муравья перед нависающим цилиндром асфальтового катка.

Уэллс! Вот оно что! Конечно же, Уэллс!.. Боевые тренож-

ники, тепловой луч, развалины опустевшего Лондона...

Царапин словно наклонился над пропастью.

«Это безнадежно, – подумал он. – Мы ничем их не остановим...»

«Мы». Не Царапин с Акимушкиным, Петровым, прапорщиком Файзулиным... «Мы» – это вся Земля.

Но тут слева из-за спины Царапина вывернулся десантник. Пригибаясь, он в несколько прыжков покрыл половину расстояния до чужой машины и распластался по песку.

Машина прошла над ним, и ясно было, что припавший к земле человек больше не пошевелится. Но вот она прошла над ним, и десантник приподнялся. С поворотом, за себя, как тысячи раз на тренировках, махнула рука; граната, кувыркаясь, взлетела в навесном броске и, очертив полукруг, опустилась точно в центр чёрного, не отражающего лунных бликов овала на глянцевой броне, который и в самом деле оказался дырой, а не просто пятном.

Секунда, другая – и из овального люка с воем выплеснулось пламя. Воздух вокруг механизма остекленел и раскололся – его как бы пронизала сеть мелких трещин, а в следующий миг он детонировал вокруг второй машины – поменьше, и её понесло вперёд с нарастающей скоростью, пока она – ослеплённая, неуправляемая – не въехала боком в кусты.

Царапин прыгал, потрясал кулаками, кричал:

– Словили?! Словили?..

Из овальной дыры соскользнула на землю знакомая зло-

вещая фигура. Красные зайчики от горящего поблизости ян-такта лизнули неподвижную гладкую маску и тяжёлые жвалы. Монстр остановился, не зная, куда бежать, и в ту же секунду вокруг, взламывая траурный шорох чужой техники, зачастили автоматы десантников. На глазах Царапина дьявола изорвало пулями.

Мимо, к чернеющей подобно огромному валуну машине, пробежали двое парашютистов. Ещё не понимая, чего они хотят, Царапин бросился за ними. Втроём они навалились на холодный панцирный борт и, запустив пальцы под днище, попробовали качнуть. Откуда-то взялись ещё двое: один – десантник, другой – кто-то из ракетчиков. Машина шевельнулась и под чей-то натужный вопль «Три-пятнадцать!» оторвалась от земли, после чего снова осела в обдирающий руки янтак. Справа, закидывая за спину автоматы, набегали ещё четверо.

Царапин по-прежнему не понимал, зачем они это делают, но он самозабвенно упирался вместе со всеми в упоении от собственной дерзости и бесстрашия.

Рядом налегал на борт лейтенант Жоголев – на секунду пламя, всё ещё пляшущее над первой – подорванной – машиной осветило его оскаленное лицо и растрёпанные вихры. Лейтенант был без фуражки.

Из хаоса звуков выделилось непрерывное низкое мычанье автомобильного сигнала. Это задним ходом к ним подбирался тягач, толкая перед собой низкий открытый прицеп.

Новый сдавленный вопль «Взяли!», чёрная машина всплыла ещё на полметра и, развернувшись, вползла на платформу.

Тягач рванул с места и погнал, не разбирая дороги. Царапин сначала бежал рядом, держась ладонью за ледяную броню трофейного механизма, но скоро сбился с ноги, отстал и, споткнувшись о лежащего ничком десантника, на котором сидела «фаланга», вспахал метра три песчаного пустыря. Извернувшись, как кошка, сел и застал «фалангу» в прыжке. Опрокинулся на спину и почти уже заученным движением выставил ей навстречу каблук. Ключула, дура! Отчаянно отбрыкиваясь, дотянулся до автомата убитого и, чудом не отстрелив себе ногу, разнёс «фалангу» короткой очередью.

И что-то изменилось. Он уже не был лишним на этом пустыре. Причина? Оружие. Словно не Царапин нашёл его, а оно само нашло Царапина и, дав ощутить свой вес и своё назначение, подсказало, что делать.

Он перевернулся на живот, выбрал цель и открыл огонь – осмысленно, экономно, стараясь поразить верхнюю треть панциря. Расстреляв весь рожок, забрал у убитого десантника второй и перезарядил автомат.

Тут он почувствовал сзади что-то неладное и обернулся. Горел тягач. Ему удалось отъехать метров на сто, не больше. В жёлто-красном коптящем пламени сквозь струи пара чернел купол так и не доставленной в тыл вражеской машины.

Царапин поглядел назад, и последняя осветительная ра-

кета, догорая, словно предъявила ему пологие склоны, мёртвые тела, отразилась в панцирях чужих механизмов.

Погасла... Вокруг снова была серая, насыщенная лунным светом ночь. Траурный шорох стал нестерпим, и не потому что усилился, – просто смолкли грохот и лязг земной техники.

И Царапин вдруг осознал, что он – последний живой человек на этом пустыре, а ещё через секунду ему показалось, что он – последний живой человек на всей Земле.

Что ему оставалось делать? Прикрывать отход? Чей?

Царапин закинул оружие за спину и побежал туда, где полыхал тягач. Он был уверен, что отбежать ему дадут самое большее шагов на двадцать, после чего уничтожат, – и удивился, когда этого не произошло.

Ночь словно вымерла. Никого не встретив, он миновал опустевшее «Управление» (по всему видно было, что ракетчиков эвакуировали в крайней спешке), добрёл до колючей проволоки, обозначавшей восточную границу дивизиона, и чуть не провалился в какую-то яму, которой здесь раньше не было.

Царапин заглянул в неё и отшатнулся – снова померещились блики на гладком панцире чужого механизма. Слава богу, это был всего лишь танк – старая добрая земная машина...

Когда это было: только что или сто лет назад – жуткий повышающийся вой и тяжкий удар за капонирами, после кото-

рого Петров сказал с удивлением: «Не взорвалось...»

Жив ли теперь Петров? А от Левши, наверное, уже ничего не осталось, даже пуговиц... Как же это так вышло, что сам Царапин до сих пор жив?

Он спрыгнул на броню и осторожно выглянул из ямы. Перед ним в ночи лежала чужая планета. Внешне пейзаж не изменился (разве что кое-где горел янтак), но это уже была не Земля, эта территория не принадлежала больше людям.

4

О чём он думал тогда, сидя на шершавой броне зарывшегося в песчаный грунт танка? В это трудно поверить, но старший сержант Царапин мучительно, до головной боли, вспоминал, чем кончилось дело у Уэллса в «Войне миров». Книгу эту он читал и перечитывал с детства и всё-таки каждый раз забывал, почему марсиане не завоевали Землю. Что им помешало? Они же всё сожгли своим тепловым лучом!.. Какая-то мелочь, какая-то случайность... В книгах всегда выручает случайность.

Дожить бы до утра...

«А оно наступит, утро?..»

Царапин давно уже слышал, как по ту сторону проволочного ограждения кто-то шуршит, перебегает, прячется. Звуки были свои, земные, слушать их было приятно.

Потом зашуршало совсем рядом, и кто-то за спиной

негромко предупредил:

– Не двигаться! Буду стрелять!

Тишина и человеческий голос. Царапин никогда не думал, что это так много – тишина и человеческий голос. Люди... А ведь они пробираются туда, к пустырю. Всё живое бежит с пустыря, а они, как всегда, – наоборот, наперекор...

– Кто такой?

– Старший сержант Царапин, – апатично отозвался он.

Сзади опять зашуршало, и новый голос (Царапин машинально определил его как офицерский, но не выше трёх звёздочек) скомандовал:

– Встать! Выходи!

– Автомат брать? – спросил он, поднимаясь.

– Что? – Офицер опешил.

– Это не мой, – устало пояснил Царапин. – Я его у десантника взял... у мёртвого...

– Сдать оружие!

Царапин отдал автомат и вылез. Втроём они отошли, пригибаясь, подальше от ямы, в колючие заросли.

– Товарищ лейтенант, – обессиленно попросил Царапин. – Не ходите на пустырь... Туда людям нельзя... Туда не десант – туда бомбу надо было сбросить... Бомбу, – ошеломлённо повторил он, и ещё раз – словно проверяя, не услышался ли: – Бомбу...

Вскочил с криком:

– Бомбой их, гадов!..

Его ухватили за ногу и за ремень, рывком положили на песок, прижали.

– Я тебе поору! – прошипел лейтенант. – Я тебе повскакиваю!.. Ефрейтор Фонвизий! Проводишь сержанта до шоссе. Доложишься капитану Осадчому.

– Пошли. – Фонвизий подтолкнул притихшего Царапина, который после краткого буйства снова успел вернуться в состояние горестной апатии. Поднялся и побрёл, послушно сворачивая, куда прикажут.

Впереди замерцал лунный асфальт. Разлив асфальта. Шоссе. Артерия стратегического значения. Рядом с обочиной, как бы припав к земле, чернел бронетранспортер. Чуть поодаль – ещё один.

Их окликнули. Навстречу из кустов янтака поднялись трое с автоматами и приказали остановиться. Появился капитан (видимо, тот самый Осадчий), которому Царапин немедленно попытался доложить обстановку. Капитан не дослушал и велел проводить старшего сержанта в санчасть.

Никто ничего не хотел понять!

Фонвизий привёл слабо сопротивляющегося Царапина к покрытому маскировочной сетью молочно-белому автобусу, на каких обычно разъезжают рентгенологи, и сдал с рук на руки медикам – морщинистому сухому старичку в капитанской форме и слоноподобному верзиле с лычками младшего сержанта.

Царапин заволновался, стал рваться в какой-то штаб, где

даже не подозревают о настоящих размерах опасности, а он, Царапин, знает, видел и обязан обо всём рассказать... В конце концов верзиле пришлось его бережно придержать, пока капитан делал укол.

Царапин был настолько измотан, что успокаивающее сработало, как снотворное. Старшего сержанта усадили на жесткую обтянутую кожмитом скамейку у стеночки, а когда оглянулись спустя минуту, то он уже спал, пристроив голову на тумбочку.

Короткое глубокое забытье, чёрное, без сновидений.

А потом за ним пришли и разбудили.

– Царапин, – позвала явь голосом «деда» Костыкина. – Хватит спать. Пошли.

– Товарищ майор... – пробормотал он, – старший сержант Царапин...

– Ладно-ладно, – сказал майор. – Пошли.

Одурев от несостоявшегося сна и насильственного пробуждения, Царапин вылез из автофургона, недоумевая, откуда мог взяться комбат, которого он мысленно похоронил вместе со всем дивизионом. Луна торчала почти в той же самой точке, что и раньше, когда они с ефрейтором Фонвизием подходили к санчасти. Следовательно, вздремнуть ему не удалось вообще.

И Царапину – в который раз! – почудилось, что время остановилось, что хитинноликие чудовища каким-то образом растягивают ночь до бесконечности.

Они пересекли шоссе и принялись перешагивать через какие-то кабели и огибать неизвестно когда появившиеся в этих местах палатки. Возле дороги стоял вертолёт размером с железнодорожный вагон. Человек двадцать военнослужащих и гражданских лиц в серых халатах при свете прожекторов спешно разгружали и распаковывали продолговатые ящики. Потом по шоссе прошла колонна мощных закутаных в брезент грузовиков. За ней потянулась вторая.

«Дед» Костыкин остановился и, запрокинув голову, долго смотрел на дорогу из-под козырька.

– Ну вот, – не совсем понятно заметил он. – Так-то оно вернее...

И тут же принялся расспрашивать, где, когда, при каких обстоятельствах Царапин видел в последний раз Петрова, Жоголева, прочих. Монстров он при этом называл весьма уклончиво и неопределённо – «противник».

Возмутясь до забвения устава, Царапин спросил, неужели майор не понимает, что это за «противник», неужели ему не ясно, что решается судьба человечества?

«Дед» Костыкин хмуро на него покосился и, ничего не ответив, указал на пролом в белёном дувале, сделанный, судя по отпечаткам траков, неловко развернувшейся тяжёлой гусеничной машиной. Они прошли в одноэтажный домик с типичными для Средней Азии низкими – почти вровень с землёй – полами, где в ярко освещённой комнате Царапину предложили сменить стойку «смирно» на «вольно» и внят-

но, последовательно, по возможности без эмоций изложить всё, что с ним произошло с момента объявления боевой готовности.

Кажется, он наконец-то встретился с людьми, от которых в какой-то степени зависел исход сегодняшней ночи. Здесь были два полковника, подполковник, капитан – всего человек семь офицеров и среди них один штатский, именно штатский, а не военный в штатской одежде – это чувствовалось сразу...

Ради одной этой встречи стоило выжить.

Он собрался с мыслями и заговорил. И очень быстро – к удивлению своему – заметил, что слушают его невнимательно. Уточняющих вопросов почти не было. Полковник вроде бы глядел на Царапина в упор – на самом деле он, наверное, вряд ли даже признавал, что перед ним кто-то стоит.

Потом все насторожились, и Царапин в растерянности замолчал.

– Слушаю! – кричал кто-то за стеной. – Слушаю вас!

Неразборчиво забормотала рация. Звонкая напряжённая тишина возникла в комнате.

– Понял, – сказал тот же голос с меньшим энтузиазмом.

И ещё раз – уже с явным разочарованием:

– Понял вас...

– Вы продолжайте, продолжайте, – напомнил штатский Царапину.

Царапин продолжил, но теперь всё, что с ним произо-

шло, казалось ему случайным набором никому не нужных подробностей: ужас хитиновой маски, отступление через пустырь, поединки с «фалангами», пальба из автомата, захват чужой машины... А от него требовалось одно – вовремя нажать кнопку на операторском пульте. И он нажал её вовремя. Дальнейшие его поступки уже ничего не решали. Их просто могло не быть.

Царапин закончил. И, словно подтверждая его мысли, полковник коротко и дробно ударил пальцами по столу, повернулся к штатскому:

– Ну что, Аркадий Кириллович, ничего нового...

Штатский с сомнением поглядывал на Царапина.

– Да как сказать... – в раздумье проговорил он. – Насколько я понимаю, товарищ старший сержант был чуть ли не первый, кто схватился с ними... мм... врукопашную... Послушайте, Боря... Вот вы самый информированный среди нас человек: всё видели, во всём участвовали... Что вы сами о них думаете?

Царапин сглотнул. Перед глазами возник чёрный обрубок, ещё секунду назад бывший пусть мёртвым, но Левшой, забегали синеватые язычки пламени...

– Бомбой... – хрипло сказал Царапин. – Отступить подальше – и бомбой их...

Широкоплечий мрачного вида майор, до этого безучастно смотревший в низкое чёрное окно, обернулся в раздражении, но тут за стеной снова замурлыкала и забубнила рация.

– Что? – выкрикнул прежний голос. – Две? Каким образом?

Все, кто сидел, вскочили, стоящие сделали шаг к двери, ведущей в соседнюю комнату.

Спустя секунду она распахнулась. В проёме, схватившись раскинутыми руками за косяки, стоял невысокий плотный капитан.

– Есть! – выдохнул он. – Две единицы. Это возле развилки арыка.

Мрачный широкоплечий майор рванулся к выходу. Остановился. Штатскому:

– Аркадий Кириллович, так что мы решим со старшим сержантом?

– Со старшим сержантом? – Аркадий Кириллович оглянулся на Царапина, задумался на секунду. – Старший сержант пойдёт с нами.

Выходя за ним из комнаты, Царапин слышал, как за стеной полковник-артиллерист кричит в микрофон:

– «Таблетка»? «Таблетка», приступайте! У нас всё готово...

Майор быстро, едва не переходя на бег, шагал в сторону колхозных виноградников, чернеющих впереди под луной, как грозное облако.

– Боря! – негромко окликнул штатский. – А этот ваш Левша... Он по ним выстрелить так и не успел?

– Нет, – сказал Царапин. – Он даже затвор передёрнуть

не успел.

– А вы уверены, что он был мёртв? Может быть, просто обморок? Всё-таки ночь, луна – могли ошибиться...

– Н-не знаю, – несколько растерявшись, ответил Царапин. – Мне показалось...

Но штатский так и не узнал, что там показалось Царапину. Неслыханный плотный грохот упал на пустыри и виноградники с тяжестью парового молота. Луна исчезла. По внезапно чёрному небу косо полетели сгустки белого воющего пламени. Грохот сдавливал голову, требовал броситься наземь. Освещаемый пульсирующими вспышками штатский выразительно указывал Царапину на свой открытый рот. Царапин понял и тоже глотнул тугой содрогающийся воздух. Стало немного полегче. Тогда он чуть повернул голову вправо, где лежала территория его части и куда летели грохочущие клочья огня. Там вздымалось, росло ослепительно-белое пламя. Словно снаряды проломили дыру в земной коре и адской смертельной магмой плеснуло из недр.

Майор тоже остановился и прикрыл щёку ладонью. Грохот раскатывался над окрестностями, на территорию дивизиона было уже невозможно смотреть – так, наверное, должна выглядеть поверхность Солнца.

«Да куда же они ещё садят! – в смятении подумал Царапин. – Там же уже ничего не осталось!»

Но тем, кто отдавал приказ, было видней, они работали профессионально, наверняка, и залпы шли и шли волнами

в одну точку, и не верилось, что происходящее – дело рук человеческих.

Бомбардировка прекратилась в тот самый момент, когда Царапин решил уже, что она не кончится никогда.

Все трое временно оглохли. Майор, злобно смеясь, вытрясал мизинцем из уха воображаемую воду. Штатский с болезненной улыбкой повернулся к Царапину, и лишь по движению губ тот разобрал слова:

– Ну вот и исполнилось ваше желание, Боря...

Временная глухота чуть было не подвела их – они среагировали лишь на второй оклик ошавевшего часового: «Стоять! Стрелять буду!» Бедный парень не знал, куда смотреть: то ли на них, то ли на бушующий справа пожар.

То, что Царапин увидел впереди, заставило его вздрогнуть. Шагах в двадцати от него, там, где большой, как канал, арык распадался на две оросительные ветви, плясали извилистые огненные блики на гладких панцирях. Там, на песке, стояли две чужие машины с зияющими овальными люками, а рядом – хитиновой маской к луне – лежало длинное чёрное тело. Там же – кто на корточках, кто привалясь спиной к броне – расположились несколько мрачных парней в пятнистых комбинезонах. Вокруг стояли и бродили военнослужащие из охраны.

Майор и Аркадий Кириллович подошли к неторопливо поднявшимся десантникам и о чём-то с ними заговорили. Потом Аркадий Кириллович начал озираться, заметил Ца-

рапина и поманил его к себе. Царапин приблизился, не сводя глаз с поникших гибких антенн, которые теперь лежали на песке, как верёвки.

– Эти самые? – спросил штатский.

– Да, – сказал Царапин. В горле у него запершило. – Вот по такой я стрелял из автомата. А такую при мне подорвали...

– Они разные, – заметил штатский, кивая на механизмы.

– Да они у них все разные... – хмуро сказал Царапин.

– Вы не ошиблись? – Штатский был взволнован.

Царапин подтвердил, что не ошибся.

Штатский с майором задавали и задавали вопросы. Царапин механически отвечал, а сам не сводил глаз с десантника, стоявшего неподалёку. Это был младший сержант Попов. Или очень похожий на него парень. Он затягивался давно погасшей сигаретой, и в опустевших, остановившихся глазах его была вся нынешняя ночь: лунные блики на чёрных панцирях, бледно-фиолетовые вспышки, горящий янтак.

Потом подкатило сразу несколько машин и в их числе тягач – вроде того, что был сожжён на пустыре. Стало шумно: гудки, всхрапывания моторов, обрывки команд. Из уазика выскочили трое офицеров и бегом припустились к тягачу. О Царапине забыли.

Он подошёл к десантнику, взгляделся. Нет, это был не Попов. Но когда парень, почувствовав, что на него смотрят, повернул к Царапину осунувшееся чумазое лицо, тому показалось, что этот совершенно незнакомый человек узнал его.

Тоже, наверное, с кем-нибудь перепутал.

– А я думал, убили тебя, – неожиданно сказал парень. – Кто ж в таких случаях вскакивает! Смотрю: бежи-ит, чуть ли не в рост, тягач его освещает... Как они тебя тогда не примочили – удивляюсь...

Мимо как раз пронесли длинное чёрное тело.

– Живым хотели доставить... – как-то странно, судорожно усмехнувшись, снова сказал десантник, но уже не Царапину, а так – неизвестно кому. – Троиш из-за него потеряли. А он с собой покончил, скотина...

Ничего больше не добавил, бросил сигарету и, чуть ссутулясь, побрёл к своим.

– Земляк! – тихонько позвали сзади. – Земеля!.. Зёма!..

Царапин оглянулся. Это были двое из оцепления.

– Слышь, зёма... – Шёпотом, глаза бегают. – А эти... ну, диверсанты в противогазах... откуда они взялись вообще?

– С Марса, – отрывисто сказал Царапин.

– Тц! Ара! А я тебе что говорил? – негромко, но с яростью гортанно вскричал второй.

– Да нет, правда, – обиделся первый. – Откуда, зём? Гля, машины у них...

В следующий миг лица у обоих стали суровыми, глаза – зоркими, а про Царапина они словно и думать забыли. Люди бодро и бдительно несли караульную службу.

Это их спугнул возвратившийся зачем-то Аркадий Кириллович. Кажется, он был чем-то расстроен.

– Боря, – позвал он. – У вас сигареты не найдётся?

– Я не курю, – сказал Царапин.

– Я тоже... – уныло отозвался штатский. Ответ гаснувшего пожара тронул его обрезавшееся лицо.

– Не могу отделаться от одного ощущения, Боря...

«Ощущения... – тоскливо подумал Царапин. – Тут поспать бы хоть немного...»

– А ощущение такое... – Аркадий Кириллович судорожно вздохнул. – Никакая это, к чёрту, не военная техника...

Встретив непонимающий взгляд Царапина, он усмехнулся и, отвернувшись, прищурился на огромное розовое зарево.

– Ну не дай бог, если я прав!.. – еле расслышал Царапин.

– Аркадий Кириллович, пора! – окликнул кто-то из уазика. Видимо, всё тот же широкоплечий майор.

– Сейчас-сейчас! – совсем другим – энергичным, деловым голосом отозвался штатский. – Тут у меня ещё одно уточнение...

– Вы же умный парень, Боря, – чуть ли не с жалостью глядя на Царапина, проговорил он. – Вы поставьте себя на их место... Откуда вам знать, что там внизу – граница? Что посадка ваша совпадает с одним из сценариев начала войны! Что нет времени разбираться, кто вы и откуда, – все удары просчитаны заранее!.. Вы хотите приземлиться, а вас сбивают! И взлететь вы уже не можете... Что бы вы стали делать на их месте? Да отбиваться, Боря! Отбиваться до последнего

и чем попало!

– Вы что же... – еле ворочая языком от усталости, злобно выговорил Царапин, – считаете, что они к нам – с мирными целями?

– Не знаю, Боря... – сдавленно ответил штатский. – В том-то и дело, что не знаю...

5

Старшему сержанту Царапину снились сугробы, похожие на барханы. Он брёл, проваливаясь в них по колено, и ногам почему-то было жарко. Бело-серые хлопья, падающие с неба, тоже были тёплыми, почти горячими. И Царапин понял вдруг, что это не снег, а пепел.

Потом с вершины самого большого сугроба на совковой лопате без черенка съехал вниз рядовой Левша. Увидев Царапина, вскочил и, испуганно хлопая длинными пушистыми ресницами, вытянулся по стойке «смирно».

– Усих вбыло... – оправдываясь, проговорил он.

Нагнулся и, опасливо поглядывая на сержанта, принялся разгребать пепел. Вскоре под рукой его блеснуло что-то глянцевое, чёрное...

– Отставить! – в ужасе закричал Царапин. – Рядовой Левша!..

Но Левша будто не слышал – он только виновато улыбался и продолжал разгребать бело-серые хлопья, пока мёртвый

монстр не показался из пепла целиком.

– Усих... – беспомощно повторил Левша, выпрямляясь. Потом снова нагнулся, помогая чёрному мертвецу подняться.

– Лев-ша-а!..

Но они уже удалялись, брели, поддерживая друг друга и проваливаясь по колено в пепел при каждом шаге...

Царапин проснулся в холодном поту и, спотыкаясь о спящих, выбрался из палатки.

Шагах в пятнадцати от входа уже сымпровизировали курилку – там копошились розовые огоньки сигарет. И по тому, как мирно, как неторопливо переползали они с места на место, Царапин понял: с вторжением – покончено. Уэллс... Война миров... А потом подошли по шоссе двумя колоннами тяжёлые, закутанные в брезент грузовики, раздалась команда – и пришельцев не стало...

– Разрешите присутствовать? – на всякий случай спросил Царапин. Среди курящих могли оказаться офицеры.

– Присутствуй-присутствуй... – хмыкнул кто-то, подвигаясь и освобождая место на длинной, положенной на кирпичи доске.

Царапин присел. Вдали, за чёрным пригорком, слабо светились розовые лужицы медленно остывающей раскалённой земли.

– «Фаланги»... – недовольно сказали с дальнего края доски, видимо, продолжая разговор. – Чо там «фаланги»? У нас

вон старшину Маранова «фаланга» хватанула...

– И что?

– И ничего. Через полчаса очухался, ещё и аппаратуру нам помогал тащить... А что морды как противогаз – вон Гурген подтвердить может...

– Чёрт вас поймёт! – с досадой сказал кто-то. – Пока сам не увижу – не поверю.

– Много ты там теперь увидишь! – прозвучал неподалёку от Царапина мрачный бас. – Видал, как артиллеристы поработали?..

Все замолчали, прислушиваясь к приближающемуся рёву авиационных двигателей. Потом на курилку, разметая песок и срывая искры с сигарет, упал плотный ветер, заныло, загрохотало, и над ними потянулось, заслоня звёзды, длинное сигарообразное тело.

– Это тот, с дороги, – заметил сосед Царапина, когда вертолёт прошёл. – Загрузился...

– Кишка ты слепая, – незлобиво возразили ему. – Это пожарники патрулируют. Земля-то раскалена – янтак то и дело вспыхивает...

– На что ж они рассчитывали, не пойму, – сказал кто-то, до сей поры молчавший. – С тремя кораблями...

В курилке притихли, подумали.

– А чёрт их теперь разберёт, что они там рассчитывали, – нехотя отозвался бас. – Может, это только разведка была! А вот как навалятся всем флотом...

Царапин встал.

– Не знаете, на бугор выйти можно? – спросил он. – Не задержат?

– Вообще-то был приказ от палаток не удаляться, – уклончиво ответили ему. – Ты только к вертолёту не подходи.

– А что там?

– А чёрт его знает! Сначала распаковывали какие-то ящики, теперь запаковывают...

Оставив вертолёт справа, Царапин без приключений добрался до бугра.

Он не узнал местности.

То, что лежало перед ним внизу, за чёрной полосой сгоревшего в пепел янтака, было похоже на дымящееся поле лавы после недавнего извержения. Разломанная земля, спёкшаяся земля, полопавшаяся на неправильные шестиугольники, прокалённая на метр в глубину, тлеющая тут и там розовыми пятнами. И ни следа, ни обломочка от танковых машин пришельцев. Вдали – оплывший остов локатора – всё, что осталось от «Управления». «Старт» напоминал розовое озеро с чёрными островками-глыбами.

«Левша», – вспомнил Царапин и больше в сторону «Старта» не смотрел. Не мог.

Ночь кончалась. Небо над горами уже тлело синим – вполутра. Изувеченная земля еле слышно пострескивала, шипела, изредка раздавались непонятные шумы и резкие, как выстрелы, щелчки.

– Нет!.. – зажмурившись, как от сильной боли, проговорил Царапин. – Нет!..

Здесь, над изломанной, умертвлённой землёй, мысль о том, что Аркадий Кириллович может оказаться прав, была особенно страшна...

Он хотел уже вернуться к палатке, когда почудилось, что там, внизу, кто-то ходит. Всматриваясь в серый полумрак, Царапин осторожно спустился с бугра, и звук его шагов изменился. Под ногами был чёрный мягкий пепел.

Видимо, всё-таки почудилось. Утомлённые глаза вполне могли подвести. Но вот – теперь уже точно – за пригорком шевельнулась и выпрямилась серая тень. Человек.

«Какого чёрта он там делает?» – испугался Царапин и вдруг сообразил: кто-то оказался слишком близко к обстреливаемому участку и вот, очнувшись, пытается выбраться – обожжённый, беспомощный...

Царапин, не раздумывая, бросился вперёд. Взбегая на пригорок, оступился, сухой чёрный прах полетел из-под ног, лицо обдало жаром. И надо бы притормозить, всмотреться, но Царапину это и в голову не пришло – он остановился, когда уже ничего изменить было невозможно. Теперь их разделяло всего пять шагов.

Перед Царапиным стоял чёрный монстр – может быть, последний монстр на всей планете. Как сумел он выскользнуть из-под огненного молота, гвоздившего эту землю наотмашь, насмерть? Скорее всего, заблудился в общей неразберихе,

вышел из обречённой зоны до обстрела и вот теперь то ли прятался, то ли, уже не прячась, бессмысленно бродил по широкой полосе травяного пепла.

«Ну вот и всё...» – беспомощно подумал Царапин, глядя на немигающие – с кошачьими зрачками – глаза.

Нужно было израсходовать до конца весь мыслимый запас счастливых случайностей и влезть в неоплатный долг, чтобы так по-глупому, перед самым рассветом, когда уже всё позади, самому найти своё последнее приключение.

Успеть... Успеть сказать, пока не полыхнула смертельная бледно-фиолетовая вспышка...

– Но мы же не знали!.. – срывающимся голосом, в лицо ему, в неподвижную хитиновую маску, выговорил Царапин. – Что нам ещё оставалось?.. Вы же через границу шли! Через границу!..

Чёрный дьявол, казалось, был загипнотизирован внезапной речью. Или напротив – не слышал ни слова.

– Куда вы сунулись? – Голос Царапина чуть не сорвался в рыдание. – Тут же заживо жгут, тут...

А вспышки всё не было. Может быть, он просто потерял оружие? Царапин замолчал и вдруг, шагнув навстречу, провёл в воздухе рукой перед жёлтыми немигающими глазами. Вертикальные зрачки не шевельнулись. Монстр по-прежнему неподвижно глядел куда-то мимо Царапина. Он был слеп.

Рассвет наступал стремительно. Чёрная хитиновая маска стала серой, на ней обозначились смутные изломанные те-

ни, придавшие ей выражение обречённости и невероятной усталости. А за спиной пришельца всё слабей и слабей светили розовые пятна прокалённой на метр в глубину, медленно остывающей земли...

1982

Пятеро в лодке, не считая Седьмых

Часть 1. Туманно утро красное, туманно

Глава 1

– Ты что? – свистящим шёпотом спросил замдиректора по быту Чертослепов, и глаза у него стали, как дыры. – Хочешь, чтобы мы из-за тебя соцсоревнование прогадили?

Мячиком подскочив в кресле, он вылетел из-за стола и остановился перед ответственным за культмассовую работу Афанасием Филимошиным. Тот попытался съёжиться, но это ему, как всегда, не удалось – велик был Афанасий. Плечи – былинные, голова – с пивной котёл. По такой голове не промахнёшься.

– Что? С воображением плохо? – продолжал допытываться стремительный Чертослепов. – Фантазия кончилась?

Афанасий вздохнул и потупился. С воображением у него действительно было плохо. А фантазии, как следовало из ле-

жащего на столе списка, хватило лишь на пять мероприятий.

– Пиши! – скомандовал замдиректора и пробежался по кабинету.

Афанасий с завистью смотрел на лысеющую голову начальника. В этой голове несомненно кипел бурн мероприятий с красивыми интригующими названиями.

– Гребная регата, – остановившись, выговорил Чертослепов поистине безупречное звукосочетание. – Пиши! Шестнадцатое число. Гребная регата... Ну что ты пишешь, Афоня? Не грибная, а гребная. Гребля, а не грибы. Понимаешь, гребля!.. Охвачено... – Замдиректора прикинул. – Охвачено пять сотрудников. А именно... – Он вернулся в кресло и продолжал диктовать оттуда: – Пиши экипаж...

«Экипаж...» – старательно выводил Афанасий, наморщив большой бесполезный лоб.

– Пиши себя. Меня пиши...

Афанасий, приотворив рот от удивления, уставился на начальника.

– Пиши-пиши... Врио завРИО Намазов, зам по снабжению Шерхебель и... Кто же пятый? Четверо гребут, пятый на руле... Ах да! Электрик! Жена говорила, чтобы обязательно была гитара... Тебе что-нибудь неясно, Афоня?

– Так ведь... – ошарашенно проговорил Афанасий. – Какой же из Шерхебеля гребец?

Замдиректора Чертослепов опёрся локтями на стол и положил хитрый остренький подбородок на сплетённые паль-

цы.

– Афоня, – с нежностью промолвил он, глядя на ответственного за культмассовую работу. – Ну что же тебе всё разжёвывать надо, Афоня?.. Не будет Шерхебель грести. И никто не будет. Просто шестнадцатого у моей жены день рождения, дошло? И Намазова с Шерхебелем я уже пригласил... Ну снабженец он, Афоня! – с болью в голосе проговорил вдруг замдиректора. – Ну куда ж без него, сам подумай!..

– А грести? – тупо спросил Афанасий.

– А грести мы будем официально.

...С отчаянным выражением лица покидал Афанасий кабинет замдиректора. Жизнь была сложна. Очень сложна. Не для Афанасия.

Глава 2

Ох, это слово «официально»! Стоит его произнести – сразу же начинается какая-то мистика... Короче, в тот самый миг, когда приказ об освобождении от работы шестнадцатого числа пятерых работников НИИ приобрёл статус официального документа, в кабинете Чертослепова открылась дверь, и в помещение ступил крупный мужчина с озабоченным, хотя и безукоризненно выбритым лицом. Затем из плаща цвета беж выпорхнула бабочка удостоверения и, раскинув крылышки, замерла на секунду перед озадаченным Чертослеповым.

– Капитан Седьмых, – сдержанно представился вошедший.

– Прошу вас, садитесь, – запоздало воссиял радушной улыбкой замдиректора.

Капитан сел и, помолчав, раскрыл блокнот.

– А где вы собираетесь достать плавсредство? – задумчиво поинтересовался он.

Иностранный агент после такого вопроса раскололся бы немедленно. Замдиректора лишь понимающе наклонил лысеющую голову.

– Этот вопрос мы как раз решаем, – заверил он со всей серьёзностью. – Скорее всего арендуем шлюпку у одного из спортивных обществ. Конкретно этим займётся член экипажа Шерхебель – он наш снабженец...

Капитан кивнул и записал в блокноте: «Шерхебель – спортивное общество – шлюпка».

– Давно тренируетесь?

Замдиректора стыдливо потупился.

– Базы нет, – застенчиво признался он. – Урывками, знаете, от случая к случаю, на голом энтузиазме...

Капитан помрачнел. «Энтузиазм! – записал он. – Базы – нет?»

– И маршрут уже разработан?

Чертослепов нашёлся и здесь.

– В общих чертах, – сказал он. – Мы думаем пройти на вёслах от Центральной набережной до пристани Баклужино.

– То есть вниз по течению? – уточнил капитан.

– Да, конечно... Вверх было бы несколько затруднительно. Согласитесь, гребцы мы начинающие...

– А кто командор?

Не моргнув глазом, Чертослепов объявил командором себя. И ведь не лгал, ибо ситуация была такова, что любая ложь автоматически становилась правдой в момент произнесения.

– Что вы можете сказать о гребце Намазове?

– Надёжный гребец, – осторожно отозвался Чертослепов.

– У него в самом деле нет родственников в Иране?

Замдиректора похолодел.

– Я... – проямлил он, – могу справиться в отделе кадров...

– Не надо, – сказал капитан. – Я только что оттуда. – Он спрятал блокнот и поднялся. – Ну что ж. Счастливого вам плавания.

И замдиректора понял наконец, в какую неприятную историю он угодил.

– Товарищ капитан, – пролепетал он, устремляясь за уходящим гостем. – А нельзя узнать, почему... мм... вас так заинтересовало...

Капитан Седьмых обернулся.

– Потому что Волга, – негромко произнёс он, – впадает в Каспийское море.

Дверь за ним закрылась. Замдиректора добрёл до стола и хватил воды прямо из графина. И замдиректора можно было

понять. Ему предстояло созвать дорогих гостей и объявить для начала, что шестнадцатого числа придётся вам, товарищи, в некотором смысле грести. И даже не в некотором, а в прямом.

Глава 3

Электрик Альбастров (первая гитара НИИ) с большим интересом следил за развитием скандала.

– Почему грести? – брызжа слюной, кричал Шерхебель. – Что значит – грести? Я не могу грести – у меня повышенная кислотность!

Врио завРИО Намазов – чернобровый полнеющий красавец – пребывал в остолбенении. Время от времени его правая рука вздёргивалась на уровень бывшей талии и совершала там судорожное хватательное движение.

– Я достану лодку! – кричал Шерхебель. – Я пароход с колёсами достану! И что? И я же и должен грести?

– Кто составлял список? – горлом проклокотал Намазов. Под ответственным за культмассовую работу Филимошиным предательски хрустнули клеёные сочленения стула, и все медленно повернулись к Афанасию.

– Товарищи! – поспешно проговорил замдиректора и встал, опёршись костяшками пальцев на край стола. – Я прошу вас отнестись к делу достаточно серьёзно. Сверху поступила указка: усилить пропаганду гребного спорта. И это не

прихоть ни чья, не каприз – это начало долгосрочной кампании под общим девизом «Выгребаем к здоровью». И там... – Чертослепов вознёс глаза к потолку, – настаивают, чтобы экипаж на три пятых состоял из головки НИИ. С этой целью нам было предложено представить список трёх наиболее перспективных руководителей. Каковой список мы и представили.

Он замолчал и строго оглядел присутствующих. Электрик Альбастров цинично улыбался. Шерхебель с Намазовым были приятно ошеломлены. Что касается Афанасия Филимошина, то он заворожённо кивал, с восторгом глядя на Чертослепова. Вот теперь он понимал всё.

– А раньше ты об этом сказать не мог? – укоризненно молвил Намазов.

– Не мог, – стремительно садясь, ответил Чертослепов и опять не солгал. Как, интересно, он мог бы сказать об этом раньше, если минуту назад он и сам этого не знал!

– А что? – повеселев, проговорил Шерхебель. – Отчалим утречком, выгребем за косу, запустим мотор...

Замдиректора пришёл в ужас.

– Мотор? Какой мотор?

Шерхебель удивился.

– Могу достать японский, – сообщил он. – Такой, знаете, водомёт: с одной стороны дыра, с другой – отверстие. Никто даже и не подумает...

– Никаких моторов, – процедил замдиректора, глядя

снабженцу в глаза. Если уж гребное устройство вызвало у капитана Седьмых определённые сомнения, то что говорить об устройстве с мотором!

– Но отрапортовать в письменном виде! – вскричал Намазов. – И немедленно, сейчас!..

Тут же и отрапортовали. В том смысле, что, мол, и впредь готовы служить пропаганде гребного спорта. Чертослепов не возражал. Бумага представлялась ему совершенно безвредной. В крайнем случае, в верхах недоумённо пожмут плечами.

Поэтому, когда машинистка принесла ему перепечатанный рапорт, он дал ему ход, не читая. А зря. То ли загляделась на кого-то машинистка, то ли заговорила, но только, печатая время прибытия гребного устройства к пристани Баклужино, она отбила совершенно нелепую цифру – 1237. Тот самый год, когда победоносные тумены Батыя форсировали великую реку Итиль.

И в этом-то страшном виде, снабжённая подписью директора, печатью и порядковым номером, бумага пошла в верха.

Глава 4

Впоследствии электрик Альбастров будет клясться и целовать крест на том, что видел капитана Седьмых в толпе машущих платочками, но никто ему, конечно, не поверит.

Истово, хотя и вразброд шлёпали весла. В осенней волж-

ской воде шуршали и брякали льдышки, именуемые шугой.

– Раз-два, взяли!.. – вполголоса, интимно приговаривал Шерхебель. – Выгребем за косу, а там нас возьмут на буксир из рыбнадзора, я уже с ними договорился...

Командор Чертослепов уронил мотнувшиеся в уключинах весла и схватился за сердце.

– Вы с ума сошли! – зашипел на него Намазов. – Гребите, на нас смотрят!..

С превеликим трудом они перегребли стрежень и, заслонённые от города песчаной косой, в изнеможении бросили весла.

– Чёрт с тобой... – слабым голосом проговорил одумавшийся к тому времени Чертослепов. – Где он, этот твой буксир?

– Йех! – изумлённо пробасил Афанасий, единственный не задохнувшийся член экипажа. – Впереди-то что делается!

Все оглянулись. Навстречу лодке и навстречу течению по левому рукаву великой реки вздымался, громоздился и наплывал знаменитый волжский туман. Берега подёрнуло мутью, впереди клубилось сплошное молоко.

– Кранты вашему буксиру! – бестактный, как и все электрики, подытожил Альбастров. – В такую погоду не то что рыбнадзор – браконьера на стрежень не выгонишь!

– Так а я могу грести! – обрадованно предложил Афанасий.

Он в самом деле взялся за весла и десятком богатырских

гребков окончательно загнал лодку в туман.

– Афоня, прекрати! – закричал Чертослепов. – Не дай бог перевернёмся!

Вдоль бортов шуршала шуга, вокруг беззвучно вздувались и опадали белые полупрозрачные холмы. Слева туман напоминал кисею, справа – простыню.

– Как бы нам Баклужино не просмотреть... – озабоченно пробормотал Шерхебель. – Унесёт в Каспий...

Командор Чертослепов издал странный звук – словно его ударили под дых. В многослойной марле тумана ему помешалось нежное бежевое пятно, и воображение командора мгновенно дорисовало страшную картину: по воде, аки посуху, пристально поглядывая на гребное устройство, шествует с блокнотом наготове капитан Седьмых... Но такого, конечно, быть никак не могло, и дальнейшие события покажут это со всей очевидностью.

– Хватит расслаживаться, товарищи! – нервно приказал Чертослепов. – Выгребаем к берегу!

– К какому берегу? Где вы видите берег?

– А вот выгребем – тогда и увидим!

Кисея слева становилась всё прозрачнее, и вскоре там проглянула полоска земли.

– Странно, – всматриваясь, сказал Намазов. – Конная милиция. Откуда? Вроде бы не сезон...

– Кого-то ловят, наверное, – предположил Шерхебель.

– Да прекратите вы ваши шуточки! – взвизгнул Чертосле-

пов – и осёкся. Кисея взметнулась, явив с исключительной резкостью берег и остановившихся при виде лодки всадников. Кривые сабли, кожаные панцири, хворостяные щиты... Тёмные, косо подпёртые крепкими скулами глаза с интересом смотрели на приближающееся гребное устройство.

Глава 5

Туман над великой рекой Итиль истаял. Не знающий поражений полководец, несколько скособочась (последствия давнего ранения в позвоночник), сидел в высоком седле и одним глазом следил за ходом переправы. Другого у него не было – вытек лет двадцать назад от сабельного удара. Правая рука полководца с перерубленным ещё в юности сухожилием была скрючена и не разгибалась.

Прибежал толмач и доложил, что захватили какую-то странную ладью с какими-то странными гребцами. Привести? Не знающий поражений полководец утвердительно наклонил неоднократно пробитую в боях голову.

Пленников заставили проползти до полководца на коленях. Руки у членов экипажа были связаны за спиной сыромятными ремнями, а рты заткнуты их же собственными головными уборами.

Полководец шевельнул обрубком мизинца, и толмач, поколебавшись, с кого начать, выдернул кляп изо рта Намазова.

– Мин татарча! Мин татарча! – отчаянно закричал врио завРИО, резко подаваясь головой к копытам отпрянувшего иноходца.

Татары удивлённо уставились на пленника, потом – вопросительно – на предводителя.

– Помощником толмача, – определил тот, презрительно скривив рваную сызмальства пасть.

Дрожащего Намазова развязали, подняли на ноги и в знак милости набросили ему на плечи совсем худой халатишко.

Затем решили выслушать Чертослепова.

– Граждане каскадёры! – в бешенстве завопил замдиректора, безуспешно пытаясь подняться с колен. – Имейте в виду, даром вам это не пройдёт! Вы все на этом погорите!

Озадаченный толмач снова заправил кляп в рот Чертослепова и почесал в затылке. Услышанное сильно напоминало непереводимую игру слов. Он всё-таки попробовал перевести и, видимо, сделал это не лучшим образом, ибо единственный глаз полководца свирепо вытаращился, а сабельный шрам поперёк лица налился кровью.

– Кто? Я погорю? – прохрипел полководец, оскалив обломки зубов, оставшиеся после прямого попадания из пращи. – Это вы у меня в два счёта погорите, морды славянские!

Воины спешили и побежали за хворостом. Лодку бросили в хворост, пленников – в лодку. Галопом прискакал татарин с факелом, и костёр задымил. Однако дрова были сырые, разгорались плохо.

– Выньте у них кляпы, и пусть раздувают огонь сами! – приказал полководец.

Но садистское это распоряжение так и не было выполнено, потому что со дна гребного устройства поднялся вдруг представительный хмурый мужчина в бежевом плаще. Татары, издав вопль изумления и ужаса, попятились. Перед тем, как бросить лодку в хвост, они обшарили её тщательнейшим образом. Спрятаться там было негде.

– Я, собственно... – ни на кого не глядя, недовольно проговорил мужчина, – оказался здесь по чистой случайности... Прилёг, знаете, вздремнуть под скамьёй, ну и не заметил, как лодка отчалила...

Он перенёс ногу через борт, и татары, суеверно перешёптываясь, расступились. Отойдя подальше, капитан Седьмых (ибо это был он) оглянулся и, отыскав в толпе Намазова, уже успевшего нахлобучить рваную татарскую шапчонку, неодобрительно покачал головой.

Часть 2. Бысть некая зима

Глава 1

Нагрязнул декабрь. Батый осадил Рязань. Помилованных до особого распоряжения пленников возили за войском на большом сером верблюде в четырёх связанных попарно корзинах. Подобно большинству изувеченных жизнью людей не знающий поражений полководец любил всевозможные отклонения от нормы.

Над татарским лагерем пушил декабрьский снежок. Замдиректора Чертослепов – обросший, оборванный – сидел на корточках и отогревал связанными руками посиневшую лысину.

– Хорошо хоть руки спереди связывать стали, – без радости заметил он.

Ему не ответили. Было очень холодно.

– Смотрите, Намазов идёт, – сказал Шерхебель и, вынув что-то из-за пазухи, сунул в снег.

Судя по всему, помощник толмача вышел на прогулку. На нём уже был крепкий, хотя и залатанный местами полосатый халат, под растоптанными, но вполне справными сапогами весело поскрипывал снежок.

– Товарищ Намазов! – вполголоса окликнул замдиректо-

ра. – Будьте добры, подойдите на минутку!

Помощник толмача опасливо покосился на узников и, сердито пробормотав: «Моя твоя не понимай...», – поспешил повернуться к ним спиной.

– Мерзавец! – процедил Альбастров.

С ним согласились.

– Честно вам скажу, – уныло проговорил Чертослепов, – никогда мне не нравился этот Намазов. Правду говорят: яблочко от яблони...

– А что это вы всех под одну гребёнку? – ощетинился вдруг электрик.

Чертослепов с Шерхебелем удивлённо взглянули на Альбастрова, и наконец-то бросилась им в глаза чёрная клочковатая бородка, а заодно и висячие усики, и лёгкая, едва намеченная скуластость.

Первым опомнился Шерхебель.

– Мать? – понимающе спросил он.

– Бабка, – буркнул Альбастров.

– Господи Иисусе Христе!.. – не то вздохнул, не то простонал Чертослепов.

Положение его было ужасно. Один из членов вверенного ему экипажа оказался ренегатом, другой...

– Товарищи! – в отчаянии сказал Чертослепов. – Мы допустили серьёзную ошибку. Нам необходимо было сразу осудить поведение Намазова. Но ещё не поздно, товарищи. Я предлагаю провести такой, знаете, негромкий митинг и от-

крытым голосованием выразить своё возмущение. Что же касается товарища Альбастрова, скрывшего важные анкетные данные...

– Ну ты козёл!.. – изумился электрик, и тут – совершенно некстати – мимо узников проехал не знающий поражений полководец.

– Эй ты! – заорал Альбастров, приподнявшись, насколько позволяли сыромятные путы. – В гробу я тебя видал вместе с твоим Чингисханом!

Полководец остановился и приказал толмачу перевести.

– Вы – идиот! – взвыл Чертослепов, безуспешно пытаясь схватиться за голову. – Я же сказал: негромкий! Негромкий митинг!..

А толмач уже всю переводил.

– Товарищ Субудай! – взмолился замдиректора. – Да не обращайтесь вы внимания! Мало ли кто какую глупость не подумав ляпнет!..

Толмач перевёл и это. Не знающий поражений полководец раздул единственную целую ноздрю и, каркнув что-то повреждёнными связками, поехал дальше. Толмач, сопровождаемый пятью воинами, подбежал к пленным.

– Айда, пошли! – вне себя напустился он на Чертослепова. – Почему худо говоришь? Почему говоришь, что Субудай-багатур не достоин лежать с великим Чингизом? Какой он тебе товарищ? Айда, мало-мало наказывать будем!

Глава 2

– Я его что, за язык тянул? – чувствительный, как и все гитаристы, переживал Альбастров. – Мало ему вчерашнего?..

За юртами нежно свистел бич и звонко вопил Чертослепов. Чистые, не отягощённые мыслью звуки.

– И как это его опять угораздило? Вроде умный мужик...

– Это там он был умный... – утешил Шерхебель.

Припорошённый снежком Афанасий сидел неподвижно, как глыба, и в широко раскрытых глазах его стыло недоумение. Временами казалось, что у него просто забыли выдернуть кляп, – молчал вот уже который день.

– Ой! – страдальчески сказал Шерхебель, быстро что-то на себе перепрыгывая. – Слушайте, это к нам...

Альбастров приподнялся и посмотрел. Со стороны леса, хрустя настом, к узникам направлялся капитан Седьмых. При виде его татарский сторож в вязаной шапочке «Адидас» вдруг застеснялся чего-то и робко отступил за ствол березы.

Электрик ослабил и ещё издали предъявил капитану связанные руки. Капитан одобрительно посмотрел на электрика, но подошёл не к нему, а к Шерхебелю, давно уже всем своим видом изъяслявшему готовность правдиво и не раздумывая отвечать на вопросы.

– Да, кстати, – как бы невзначай поинтересовался капитан, извлекая из незапятнанного плаща цвета беж уже знакомый

читателю блокнот. – Не от Намазова ли, случайно, исходила сама идея мероприятия?

– Слушайте, что решает Намазов? – отвечал Шерхебель, преданно глядя в глаза капитану. – Идея была спущена сверху.

«Сверху? – записал капитан, впервые приподнимая бровь. – Не снизу?»

– Расскажите подробнее, – мягко попросил он.

Шерхебель рассказал. Безукоризненно выбритое лицо капитана становилось всё задумчивее.

– А где сейчас находится ваш командор?

– Занят, знаете... – несколько замявшись, сказал Шерхебель.

Капитан Седьмых оглянулся, прислушался.

– Ну что ж... – с пониманием молвил он. – Побеседуем, когда освободится...

Закрыв блокнот и, хрустя настом, пошёл в сторону леска.

Из-за ствола березы выглянула вязаная шапочка «Адидас». Шерхебель облегчённо вздохнул и снова что-то на себе перепрятал.

– Да что вы там всё время рассовываете? – не выдержал электрик.

– А! – Шерхебель пренебрежительно шевельнул пальцами связанных рук. – Так, чепуха, выменял на расчёску, теперь жалею...

Припрятанный предмет он, однако, не показал. Что имен-

но Шерхебель выменял на расчёску, так и осталось тайной.

Потом принесли стонущего Чертослепова.

– А тут без вас капитан приходил, – сказал Альбастров. – Про вас спрашивал.

Чертослепов немедленно перестал стонать.

– Спрашивал? А что конкретно?

Ему передали весь разговор с капитаном Седьмых.

– А когда вернётся, не сказал? – встревожась, спросил Чертослепов.

Электрик хотел ответить, но его перебили.

– Я всё понял... – Это впервые за много дней заговорил Афанасий Филимошин. Потрясённые узники повернулись к нему.

– Что ты понял, Афоня?

Большое лицо Афанасия было угрюмо.

– Это не киноартисты, – глухо сообщил он.

Глава 3

Замдиректора Чертослепову приснилось, что кто-то развязывает ему руки.

– Нет... – всхлипывая, забормотал он. – Не хотел... Клянусь вам, не хотел... Пропаганда гребного спорта...

– Вставай! – тихо и властно сказали ему.

Чертослепов очнулся. Снежную равнину заливал лунный свет. Рядом, заслоняя звёзды, возвышалась массивная гроз-

ная тень.

– Афоня? – не веря, спросил Чертослепов. – Ты почему развязался? Ты что затеял? Ты куда?..

– В Рязань, – мрачно произнесла тень. – Наших бьют...

Похолодеть замдиректора не мог при всём желании, поэтому его бросило в жар.

– Афанасий... – оробев, пролепетал он. – Но ведь если мы совершим побег, капитан может подумать, что мы пытаемся скрыться... Я... Я запрещаю!..

– Эх ты!.. – низко, с укоризной прозвучало из лунной выси, глыбастая тень повернулась и ушла в Рязань, косолапо проламывая наст.

В панике Чертослепов разбудил остальных. Электрик Альбастров спросонья моргал криво смёрзшимися глазёнками и ничего не мог понять. Зато Шерхебель отреагировал мгновенно. Сноровисто распустив зубами сыромятные узы, он принялся выхватывать что-то из-под снега и совать за пазуху.

– Товарищ Шерхебель! – видя такую расторопность, шёпотом завопил замдиректора. – Я призываю вас к порядку! Без санкции капитана...

– Слушайте, какой капитан? – огрызнулся через плечо Шерхебель. – Тут человек сбежал! Вы понимаете, что они нас всех поубивают с утра к своему шайтану?..

– Мать Божья Пресвятая Богородица!.. – простонал Чертослепов.

Пошатываясь, они встали на ноги и осмотрелись.

Неподалёку лежала колода, к которой татары привязывали серого верблюда с четырьмя корзинами. Тут же выяснилось, что перед тем, как разбудить замдиректора, Афанасий отвязал верблюда и побил колодой весь татарский караул.

Путь из лагеря был свободен.

Босые, они бежали по лунному вскрикивающему снегу, и дыхание их взрывалось в морозном воздухе.

– Ну и куда теперь? – с хрустом падая в наст, спросил Альбастров.

– Товарищи! – чуть не плача, проговорил Чертослепов. – Не забывайте, что капитан впоследствии обязательно представит характеристику на каждого из нас. Поэтому в данной ситуации, я считаю, выход у нас один: идти в Рязань и как можно лучше проявить себя там в борьбе с татаро-монгольскими захватчиками.

– Точно! – сказал Альбастров и лизнул снег.

– Вы что, с ума сошли? – с любопытством спросил Шерхебель. – Рязань! Ничего себе шуточки! Вы историю учили вообще?

Альбастров вдруг тяжело задышал и, поднявшись с наста, угрожающе двинулся на Шерхебеля.

– Христа – распял? – прямо спросил он.

– Слушайте, прекратите! – взвизгнул Шерхебель. – Даже если и распял! Вы лучше посмотрите, что делают ваши родственнички по женской линии! Что они творят с нашей ма-

тушкой Россией!

Альбастров, ухваченный за локти Чертослеповым, рвался к Шерхебелю и кричал:

– Это ещё выяснить надо, как мы сюда попали! Небось в Хазарский каганат метил, да промахнулся малость!..

– Товарищ Альбастров! – умолял замдиректора. – Ну нехристь же, ну что с него взять! Ну не поймёт он нас с вами!..

На том и расстались. Чертослепов с Альбастровым пошли в Рязань, а куда пошёл Шерхебель – сказать трудно. Налетела метель и скрыла все следы.

Глава 4

Продираясь сквозь колючую проволоку пурги, они шли в Рязань. Однако на полпути в электрике Альбастрове вдруг заговорила татарская кровь. И чем ближе к Рязани подходили они, тем громче она говорила. Наконец гитарист-электрик сел на пенёк и объявил, что не сдвинется с места, пока его русские и татарские эритроциты не придут к соглашению.

Чертослепов расценил это как измену и, проорав сквозь пургу: «Басурман!..», – пошёл в Рязань один. Каким образом он вышел к Суздалью – до сих пор представляется загадкой.

– Прииде народ, Гедеоном из тартара выпущенный, – во всеуслышание проповедовал он на суздальском торгу. – Ря-

заны возжёт, и с вами то же будет! Лишь объединением всея Руси...

– Эва! Сказанул! – возражали ему. – С кем единиться-то? С рязанцами? Да с ними биться идёшь – меча не бери, ремешок бери сыромятный.

– Братие! – возопил Чертослепов. – Не верьте сему! Рязанцы такие же человеки суть, яко мы с вами!

– Вот сволок! – изумился проезжавший мимо суздальский воевода и велел, ободрав бесстыжего юродивого кнутом, бросить в подвал и уморить голодом.

Всё было исполнено в точности, только вот голодом Чертослепова уморить не успели. Меньше чем через месяц Суздаль действительно постигла судьба Рязани. Победители-татары извлекли сильно исхудавшего замдиректора из-под обломков терема и, ободрав вдругорядь кнутом, вышибли к шайтану из Суздаля.

А электрик Альбастров болтался тем временем, как ведро в проруби. Зов предков накатывал на него то по женской линии, то по мужской, толкая то в Рязань, то из Рязани. Будь у электрика хоть какие-нибудь средства, он бы от такой жизни немедленно запил.

И средства, конечно, нашлись. На опушке леса он подобрал брошенные каким-то беженцем гусли и перестроил их на шестиструнку. С этого момента на память Альбастрова полагаться уже нельзя. Где был, что делал?.. Говорят, шастал по княжеству, пел жалостливо по-русски и воинственно по-

татарски. Русские за это поили мёдом, татары – айраном.

А через неделю пришла к нему белая горячка в ржавой, лопнувшей под мышками кольчуге и с тяжелой палицей в руках.

– Сидишь? – грозно спросила она. – На гусельках играешь?

– Афанасий... – расслабленно улыбаясь, молвил опустившийся электрик. – Друг...

– Друг, да не вдруг, – сурово отвечал Афанасий Филимошин, ибо это был он. – Вставай, пошли в Рязань!

– Ребята... – Надо полагать, Афанасий в глазах Альбастрова раздвоился как минимум. – Ну не могу я в Рязань... Афанасий, скажи им...

– А вот скажет тебе моя палица железная! – снова собирается воедино, рёк Афанасий, и электрик, мгновенно протрезвев, встал и пошёл, куда велено.

Глава 5

Однажды в конце февраля на заснеженную поляну посреди дремучего леса вышел человек в иноческом одеянии. Снял клобук – и оказался Шерхебелем.

За два месяца зам по снабжению странно изменился: в талии вроде бы пополнел, а лицом исхудал. Подобравшись к дуплистому дубу, он огляделся и полез было за пазуху, как вдруг насторожился и снова нахлобучил клобук.

Затрещали, зазвенели хрустальные февральские кусты, и на поляну – бывают же такие совпадения! – ворвался совершенно обезумевший Чертослепов. Пониже спины у него торчали две небрежно оперённые стрелы. Во мгновении ока замдиректора проскочил поляну и упал без чувств к ногам Шерхебеля.

Кусты затрещали вновь, и из зарослей возникли трое разъярённых русичей с шелепугами подорожными в руках.

– Где?! – разевая мохнатую пасть, взревел один.

– Помер, как видите, – со вздохом сказал Шерхебель, указывая на распростёртое тело.

– Вот жалость-то!.. – огорчился другой. – Зря, выходит, бежали... Ну хоть благослови, святой отче!

Шерхебель благословил, и русичи, сокрушённо покачивая кудлатыми головами, исчезли в февральской чаще. Шерхебель наклонился над лежащим и осторожно выдернул обе стрелы.

– Интернационализм проповедывали? – сочувственно осведомился он. – Или построение социализма в одном отдельно взятом удельном княжестве?

Чертослепов вздрогнул, присмотрелся и, морщась, сел.

– Зря вы в такой одежде, – недружелюбно заметил он. – Вот пришьют нам из-за вас религиозную пропаганду... И как это вам не холодно?

– Ну если на вас наvertеть пять слоёв парчи, – охотно объяснил Шерхебель, то вам тоже не будет холодно.

– Мародёр... – безнадёжно сказал Чертослепов.

– Почему мародёр? – Шерхебель пожал острыми монашскими плечами. – Почему обязательно мародёр? Честный обмен и немножко спасательных работ...

В третий раз затрещали кусты, и на изрядно уже истоптанную поляну косолапо ступил Афанасий Филимошин, неся на закорках бесчувственное тело Альбастрова.

– Будя, – пробасил он, сваливая мычащего электрика под зазвеневший, как люстра, куст. – Была Рязань, да угольки остались...

– Что с ним? – отрывисто спросил Чертослепов, со страхом глядя на сизое мурло Альбастрова.

– Не замай, – мрачней, посоветовал Афанасий. – Командира у него убило. Евпатия Коловрата. Какой командир был!..

– С тех самых пор и пьёт? – понимающе спросил приметливый Шерхебель.

– С тех самых пор... – удручённо подтвердил Афанасий. Электрик Альбастров пошевелился и разлепил глаза.

– Опять все в сборе... – с отвращением проговорил он. – Прямо как по повестке...

И вновь уронил тяжёлую всклокоченную голову, даже не осознав, сколь глубокую мысль он только что высказал.

За ледяным переплётом мелких веток обозначилось нежное бежевое пятно, и, мелодично звякнув парой сосулек, на поляну вышел безукоризненно выбритый капитан Седь-

мых. поприветствовал всех неспешным кивком и направился напрямиком к Чертослепову.

– Постарайтесь вспомнить, – сосредоточенно произнёс он. – Не по протекции ли Намазова была принята на работу машинистка, перепечатавшая ваш отчёт о мероприятии?

Лицо Чертослепова почернело, как на иконе.

– Не вем, чесо глаголеши, – малодушно отводя глаза, пробормотал он. – Се аз многогрешный...

– Ну не надо, не надо, – хмурясь, прервал его капитан. – Минуту назад вы великолепно владели современным русским.

– По моей протекции... – с надрывом признался Чертослепов и обессиленно уронил голову на грудь.

– Вам знаком этот документ?

Чертослепов обречённо взглянул.

– Да, – сказал он. – Знаком.

– Ознакомьтесь внимательней, – холодно молвил капитан и, оставив бумагу в слабой руке Чертослепова, двинулся в неизвестном направлении.

Нежное бежевое пятно растаяло в ледяных зарослях февральского леса.

Глава 6

– Ему снабженцем работать, а не капитаном, – с некоторой завистью проговорил Шерхебель, глядя в ту сторону, куда

ушёл Седьмых. – Смотрите, это же наш рапорт в верха! Где он его здесь мог достать?

Действительно, в неверных пальцах Чертослепова трепетал тот самый злополучный документ, с которого всё и началось.

– О Господи!.. – простонал вдруг замдиректора, зажмуриваясь. Он, наконец, заметил роковую ошибку машинистки.

– В каком смысле Господи? – тут же спросил любопытный Шерхебель, отбирая у Чертослепова бумагу. – А? – фальцетом вскричал он через некоторое время. – Что такое?!

Пошатываясь, подошёл очнувшийся Альбастров и тоже сунулся сизым мурлом в документ.

– Грамота, – небрежно объяснил он. – Аз, буки, веди... глаголь, добро...

– Нет, вы только послушайте! – В возбуждении снабженец ухватил электрика за короткий рукав крупнокольчатой байданы. – «Обязуемся выгрести к пристани Баклужино в десять ноль-ноль, шестнадцатого, одиннадцатого, тысяча двести тридцать седьмого». Печать, подпись директора... А? Ничего себе? И куда мы ещё, по-вашему, могли приплыть с таким документом?

– Что?! – мигом протрезвев, заорал электрик. – А ну дай сюда!

Он выхватил бумагу из рук Шерхебеля и вонзился в текст. Чертослепов затрепетал и начал потихоньку отползать. Но Альбастров уже выходил из столбняка.

– А-а... – зловеще протянул он. – Так вот, значит, по чьей милости нас угораздило...

Он отдал документ Шерхебелю и, не найдя ничего в пере­мётной суме, принялся хлопать себя по всему, что заменяло в тринадцатом веке карманы.

– Куда ж она к шайтану запропастилась?.. – бормотал он, не спуская глаз с замдиректора. – Была же...

– Кто?

– Удавка... А, вот она!

Шерхебель попятился.

– Слушайте, а надо ли? – упавшим голосом спросил он, глядя, как Альбастров, пробуя сыромятный арканчик на раз­рыв, делает шаг к замдиректора.

– Людишки... – презрительно пробасил Афанасий, и всё смолкло на поляне. – Кричат, копошатся...

В лопнувшей под мышками кольчуге, в тяжёлом побитом шлеме, чужой стоял Афанасий, незнакомый. С брезгливым любопытством разглядывал он из-под нависших бровей об­мерших членов экипажа и говорил негромко сам с собой:

– Из-за бумажки удавить готовы... Пойду я... А то осер­чаю, не дай бог...

Нагнулся, подобрал свою железную палицу и пошёл прочь, проламывая остекленелые дебри.

Не смея поднять глаза, Альбастров смотал удавку и сунул в пере­мётную суму.

– Слушайте, что вы там сидите? – сказал Шерхебель Чер-

тослепову. – Идите сюда, надо посоветоваться. Ведь капитан, наверное, не зря оставил нам эту бумагу...

– Точно! – вскричал Альбастров. – Исправить дату, найти лодку...

– Ничего не выйдет, – всё ещё обижаясь, буркнул Чертослепов. – Это будет подделка документа. Вот если бы здесь был наш директор...

– А заодно и печать, – пробормотал Шерхебель. – Слушайте, а что, если обратиться к местной администрации?

– Ох!.. – страдальчески скривился замдиректора, берясь за поясницу. – Знаю я эту местную администрацию...

– А я всё же попробую, – задумчиво сказал Шерхебель, свивая документ в трубку.

Часть 3. Из-за острова на стрежень

Глава 1

Не любили татары этот лесок, ох, не любили. Обитал там, по слухам, призрак урусутского богатыря Афанасия, хотя откуда ползли такие слухи – шайтан их знает. Особенно если учесть, что видевшие призрак татары ничего уже рассказать не могли.

Сам Афанасий, конечно, понятия не имел об этой мрачной легенде, но к весне стал замечать, что местность в последние дни как-то обезлюдела. Чтобы найти живую душу, приходилось шагать до самой дороги, а поскольку бороды у всех в это время года ещё покрыты инеем, то Афанасий требовал, чтобы живая душа скинула шапку. Блондинов отпускал.

Поэтому, встретив однажды посреди леска, чуть ли не у самой землянки, брюнета в дорогом восточном халате, Афанасий был крепко озадачен.

– Эх, товарищ Филимошин, товарищ Филимошин!.. – с проникновенной укоризной молвил ему брюнет. – Да разве ж можно так обращаться с доспехами! Вы обомлеете, если я скажу, сколько сейчас такой доспех стоит...

На Афанасии была сияющая, хотя и побитая, потускнев-

шая местами, броня персидской выковки.

– Доспех-то? – хмурясь, переспросил он. – С доспехом – беда... Скольких я, царствие им небесное, из кольчужек повытряс, пока нужный размер нашёл!.. Ну заходи, что ли...

Шерхебель (ибо это был он) пролез вслед за Афанасием в землянку и тут же принялся рассказывать.

– Ну, я вам скажу, двор у хана Батыя! – говорил он. – Это взяточник на взяточнике! Две трети сбережений – как не было... Хану – дай, – начал он загибать пальцы, – жёнам его – дай, тысячникам – дай... Сотникам! Скажите, какая персона – сотник!.. Ну да бог с ними! Главное: дело наше решено положительно...

– Дело? – непонимающе сдвигая брови, снова переспросил Афанасий.

Ликующий Шерхебель вылез из дорогого халата и, отмотав с себя два слоя дефицитной парчи, извлёк уже знакомый читателю рапорт о том, что гребное устройство непременно достигнет пристани Баклужино в такое-то время. Дата прибытия была исправлена. Чуть ниже располагалась ровная строка арабской вязи и две печати: красная и синяя.

– «Исправленному верить. Хан Батый», – сияя, перевёл Шерхебель.

Афанасий задумчиво его разглядывал.

– А ну-ка прищурься! – потребовал он вдруг.

– Не буду! – разом побледнев, сказал Шерхебель.

– Смышлён... – Афанасий одобрительно кивнул. – Если

б ты ещё и прищурился, я б тебя сейчас по маковку в землю вбил!.. Грамотку-то покажи-ка поближе...

Шерхбель показал.

– Это что ж, он сам так красиво пишет? – сурово спросил Афанасий.

– Ой, что вы! – Шерхбель даже рукой замахал. – Сам Батый никогда ничего не пишет – у него на это канцелярия есть. Между нами, он, по-моему, неграмотный. В общем, всё как везде...

– А печатей-то наляпал...

– Красная – для внутренних документов, синяя – для зарубежных, – пояснил Шерхбель. – Так что я уж на всякий случай обе...

Тут снаружи раздался нестройный аккорд, и щемящий надтреснутый голос запел с надрывом:

– Ах, умру я, умру... Пахаронют миня-а...

Шерхбель удивился. Афанасий пригорюнился. Из левого глаза его выкатилась крупная богатырская слеза.

– Входи, бедолага... – прочувствованно пробасил Афанасий.

Вошёл трясущийся Альбастров. Из-под надетой внакидку ношеной лисьей шубейки, только что, видать, пожалованной с боярского, а то и с княжьего плеча, глядело ветхое рубище да посвечивал из прорехи чудом не пропитый за зиму крест.

– Хорошие новости, товарищ Альбастров! – снова воссияв, приветствовал певца Шерхбель.

Электрик был настроен мрачно, долго отмахивался и не верил ничему. Наконец взял документ и обмер над ним минуты на две. Потом поднял от бумаги дикие татарские глаза.

– Афанасий! – по-разбойничьи звонко и зловеще завопил он. – А не погулять ли нам, Афанасий, по Волге-матушке?

– И то... – подумав, пророкотал тот. – Засиделся я тут...

– Отбить у татар нашу лодку, – возбуждённо излагал Шерхебель. – Разыскать Чертослепова...

– И Намазова... – с недоброй улыбкой добавил электрик.

Глава 2

Отгрохотал ледоход на великой реке Итиль. Намазов – в дорогом, почти как у Шерхебеля, халате и в сафьяновых, шитых бисером сапожках с загнутыми носками – прогуливался по берегу. На голове у Намазова была роскошная лисья шапка, которую он время от времени снимал и с уважением разглядывал.

Его только что назначили толмачом.

Где ж ему было заметить на радостях, что под полуметровым обрывчиком покачивается отбитое вчера у татар гребное устройство, а на земле коварно развёрнут сыромятный арканчик электрика Альбастрова.

Долгожданный шаг, мощный рывок – и свежеиспечённого толмача как бы сдуло с обрыва. Он лежал в гребном устройстве, изо всех сил прижимая к груди лисью шапку.

– Что вы делаете, товарищи! – в панике вскричал он, мигот припомнив русскую речь.

– Режем! – коротко отвечал Альбастров, доставая засапожный клинок.

Шерхбель схватил электрика за руку.

– Вы что, с ума сошли? Вы его зарежете, а мне опять идти к Батью и уточнять состав экипажа?

Электрик злобно сплюнул за борт и вернул клинок в равное голенище.

– Я вот смотрю... – раздумчиво пробасил вдруг Афанасий, глядя из-под руки вдоль берега. – Это не замдиректора нашего там на кол сажают?

Зрение не обмануло Афанасия. В полутора перестрелах от гребного устройства на кол сажали именно Чертослепова. Вообще-то татары не практиковали подобный род казни, но, видно, чем-то их достал неугомонный замдиректора.

Самоотверженными гребками экипаж гнал лодку к месту события.

– Иди! – процедил Альбастров, уставив жало засапожного клинка в позвоночник Намазову. – И чтоб без командора не возвращался! А сбежишь – под землёй сыщу!

– Внимание и повиновение! – закричал по-своему Намазов, выбираясь на песок.

Татары, узнав толмача, многозначительно переглянулись. Размахивая широкими рукавами, Намазов заторопился к ним. Шайтан его знает, что он им там наврал, но только тата-

ры подумали-подумали и с сожалением сняли Чертослепова с кола.

Тем бы всё и кончилось, если бы замдиректора сам всё не испортил. Очутившись на земле, он мигом подхватил портки и бегом припустился к лодке. Татары уразумели, что дело нечисто, и кинулись вдогонку. Намазов добежал благополучно, а Чертослепов запутался в портках, упал, был достигнут и вновь водворён на кол.

– Товарищи! – страшно закричал Намазов. – Там наш начальник!

Итээрловцы выхватили клинки. Натиск их был настолько внезапен, что им в самом деле на какое-то время удалось отбить своего командора. Однако татары быстро опомнились и, умело орудуя кривыми саблями, прижали экипаж к лодке, и Чертослепов в третий раз оказался на колу.

Бой продолжал один Афанасий, упоённо гвоздивший наседавших татар своей железной палицей.

– Товарищ Филимошин! – надсаживался Шерхебель – единственный, кто не принял участия в атаке. – Погодите, что я вам скажу! Прекратите это побоище! Сейчас я всё улажу!..

Наконец Афанасий умаялся и, отмахиваясь, полез в лодку. Шерхебель тут же выскочил на берег и предъявил татарам овальную золотую пластину. Испуганно охнув, татары попрятали сабли в ножны и побежали снимать Чертослепова. В руках Шерхебеля была пайцза – что-то вроде веритель-

ной грамоты самого Батая.

– Ты где её взял, хазарин? – потрясённо спросил Альбастров в то время, как татары бережно укладывали замдиректора в лодку.

– Да прихватил на всякий случай... – небрежно отвечал Шерхебель. – Знаете, печать печатью...

– Капитана... – еле слышно произнёс Чертослепов. – Главное: капитана не забудьте...

– Капитана? – удивился Шерхебель. – А при чём тут вообще капитан? Вот у меня в руках документ, покажите мне там одного капитана!..

Глава 3

Разогнанная дружными мощными гребками, лодка шла сквозь века. В зыбких полупрозрачных сугробах межвременного тумана длинной тенью скользнул навстречу острогрудый чёлн Степана Разина. Сам Стенька стоял на коленях у борта и напряжённо высматривал что-то в зеленоватой волжской воде.

– Утопла, кажись... – донесся до путников его расстроенный, приглушённый туманом голос, и видение кануло.

Вдоль бортов шуршали и побрякивали льдышки – то ли шуга, то ли последние обломки ледохода.

Без десяти десять лодка вырвалась из тумана как раз напротив дебаркадера с надписью «Баклужино». Пристань бы-

ла полна народу. Присевший у руля на корточках Чертослепов мог видеть, как по мере приближения вытаращиваются глаза и отваливаются челюсти встречающих.

Что и говорить, экипаж выглядел живописно! Далече, как Глава на церкви, снял шлем Афанасия, пламенела лисья шапка Намазова. Рубища и парча просились на полотно.

На самом краю дебаркадера, подтянутый, безукоризненно выбритый, в неизменном своём бежевом плаще, стоял капитан... Отставить! На краю дебаркадера стоял майор Седьмых, а рядом ещё один товарищ в штатском. Пожалуй, эти двое были единственными на пристани, для кого внешний вид гребцов неожиданностью не явился.

До дебаркадера оставались считанные метры, когда, рискуя опрокинуть лодку, вскочил Шерхебель.

– Товарищ майор! – закричал он. – Я имею сделать заявление!

Путаясь в полах дорогого восточного халата, он первым вскарабкался на пристань.

– Товарищ майор! – так, чтобы слышали все встречающие, обратился он. – Во время заезда мне в руки попала ценная коллекция золотых вещей тринадцатого века. Я хотел бы в вашем присутствии сдать их государству.

С каждым его словом физиономия второго товарища в штатском вытягивалась всё сильнее и сильнее.

Майор Седьмых улыбнулся и ободряюще потрепал Шерхебеля по роскошному парчовому плечу. Затем – уже без

улыбки – снова повернулся к гребному устройству.

– Гражданин Намазов?..

Эпилог

Машинистку уволили.

Над Намазовым хотели устроить показательный процесс, но ничего не вышло – истёк срок давности преступления.

Электрик Альбастров до сих пор лечится от алкоголизма.

Что же касается Шерхебеля, то, блистательно обведя вокруг пальца представителя таможни (ибо незнакомец на дебаркадере был именно представителем таможни), он получил причитающиеся ему по закону двадцать пять процентов с найденного клада и открыл кооператив.

Замдиректора по быту Чертослепов ушёл на пенсию по инвалидности. А недавно реставраторы в Эрмитаже расчистили уникальную икону тринадцатого века, названную пока условно «Неизвестный мученик с житием». В квадратиках, располагающихся по периметру иконы, изображены моменты из биографии неизвестного мученика. В первом квадратике его сжигают в каком-то челноке, далее он показан связанным среди сугробов. Далее его бичуют сначала татары, потом – судя по одежде – русские язычники. В квадратике номер семнадцать его пытается удавить арканом некий разбойник весьма неопределённой национальности. Последние три картинки совершенно одинаковы: они изображают неизвестного мученика посаженным на кол. Озадаченные реставраторы выдвинули довольно остроумную гипотезу, что ико-

нописец, неправильно рассчитав количество квадратиков, был вынужден трижды повторить последний сюжет. И везде над головой мученика витает некий ангел с огненным мечом и крыльями бежевого цвета. На самой иконе мученик представлен в виде измождённого человека в лохмотьях, с лысеющей головой и редкой рыжеватой растительностью на остреньком подбородке.

А Афанасия Филимошина вскоре после мероприятия вызвали в военкомат и вручили там неслыханную медаль «За оборону Рязани», что, кстати, было отражено в местной прессе под заголовком «Награда нашла героя».

И это отрадно, товарищи!

1989

Разрешите доложить! (Солдатская сказка)

Михаилу Шалаеву

Глава 1

*О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий.
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.*

– Рядовой Пиньков!

– Я!

– Выйти из строя! – скомандовал старшина, с удовольствием глядя на орла Пинькова.

Рядовой Пиньков любил выполнять эту команду. Не было тут ему равных во всём полку. Дух захватывало, когда вбив со звоном в асфальтированный плац два строевых шага, совершал он поворот через левое плечо.

Но, видно, вправду говорят, товарищ старший лейтенант, что всё имеет свой предел – даже чёткость исполнения команды. А Пиньков в этот раз, можно сказать, самого себя превзошёл. Уж с такой он её точностью, с такой он её лихо-

стью... Пространство не выдержало, товарищ старший лейтенант. Вбил рядовой Пиньков в асфальт два строевых шага, повернулся через левое плечо – и исчез.

То есть не то чтобы совсем исчез... Он, как бы это выразиться, и не исчезал вовсе. В смысле – исчез, но тут же возник по новой. Причём в совершенно неуставном виде, чего с ним отродясь не бывало. Стойка – не поймёшь какая, на сапогах почему-то краска зелёная, челюсть отвалена – аж по третью пуговицу. И что самое загадочное – небритая челюсть-то!..

Виноват, товарищ старший лейтенант, самоволкой это считаться никак не может. Какая ж самоволка, если рядовой Пиньков ни секунды на плацу не отсутствовал! Другой вопрос: где это он присутствовал столько времени, что щетиной успел обрасти?

Разрешите продолжать?

Значит, так...

Повернулся, как я уже докладывал, рядовой Пиньков лицом к строю, душу, можно сказать, в поворот вложил, глядь! – а строя-то и нет! И плаца нет. Стоит он на дне ущелья посреди какой-то поляны, а поляна, что характерно, квадратная...

Никак нет, по науке это как раз вполне допустимо. Есть даже мнение, товарищ старший лейтенант, что в одном и том же объёме пространства понапихано миров – до чёртовой матери!.. Почему не сталкиваются? Н-ну образно говоря...

в ногу идут, товарищ старший лейтенант, потому и не стелкиваются...

Остолбенел рядовой Пиньков по стойке «смирно». Молодцеватости, правда, не утратил, но что остолбенел – то остолбенел. Однако нашёлся – скомандовал сам себе шёпотом: «Вольно! Разойдись!» – и стал осматриваться.

Местность незнакомая, гористая и какая-то вроде сказочная... Никак нет, в прямом смысле. Взять хоть поляну эту квадратную: четыре угла, в каждом углу – по дереву. Что на трёх дальних растёт – не разобрать, а на том, что поближе, разрешите доложить, банки с тушёнкой созревают. Пятисотграммовые, без этикеток...

Так точно, на мясокомбинате... Но это у нас. А там – вот так, на деревьях. Растительным путём... Вот и я говорю, непредставимо, товарищ старший лейтенант...

Смотрит Пиньков: за стволом шевеление какое-то. Сменил позицию, а там – волк не волк, крокодил не крокодил... Короче, пупырчатый такой... И землю роет. Ворочает и быстро-быстро. Передними лапами. А на травке стоят рядом четыре банки с тушёнкой. И, надо полагать, свежесорванные – в смазке ещё...

Изготовился рядовой Пиньков для стрельбы стоя и двинулся к дереву. А тот – роет. То ли нюх потерял, то ли просто не ждёт опасности с этой стороны. Потом поднял морду, а Пиньков уже – в трёх шагах.

Как пупырчатый присядет, как подскочит! Вскинулся и

обмер – ну чисто собачка в цирке на задних лапках. Стоит и в ужасе ест Пинькова глазами. Глаза – маленькие, жёлтые, нечестные...

– Вольно! – враз всё смекнув, говорит рядовой Пиньков и вешает автомат в положение «на плечо». – Кто командир?

Даже договорить не успел. Хотите верьте, хотите нет, а только пупырчатый делает поворот кругом на два счёта, да так ловко, что все четыре банки летят в яму, а сам – опрометью куда-то, аж гравий из-под лап веером...

Откуда гравий? Да, действительно... Поляна же... А! Так там ещё, товарищ старший лейтенант, дорожки были гравийные от дерева к дереву! Ну а на самих-то полянках, понятно, трава. Причём с большим вкусом подстриженная: коротко, но не под ноль.

Ну вот...

Наклонился Пиньков над рытвиной – банки как банки, даже номер на них какой-то изнутри выдавлен. Разница в чём – у каждой по ободку вроде бы брачок фабричный. А на самом деле – след от черенка.

Обошёл Пиньков дерево, смотрит: а листочки-то кое-где к веткам – пришиты. Для единообразия, стало быть. Кто-то, значит, распорядился. А то на одной ветке листьев мало, на другой – много... Непорядок.

«Однако, – ужасается вдруг Пиньков, – мне ж сейчас в караул заступать!...»

И тут, слышит, за спиной у него как бы смерчик тёплый

с фырчанием крутнулся. Оборачивается, а там пупырчатый начальство привёл. Начальство такое: дед... Да нет! Дед – в смысле старенький уже, пожилой! Хотя крепкий ещё, с выправкой... На отставника похож... А с дедовщиной мы боремся, это вы верно сказали, товарищ старший лейтенант!..

– Осмелюсь доложить, – рапортует. – Премного вашим внезапным явлением довольны!

И тоже, видать, кривит душой – доволен он! Оробел вконец, не поймет: то ли это рядовой Пиньков перед ним, то ли ангел небесный откуда-то там слетел...

Никак нет, никакого не преувеличение. Вы рядового Пинькова по стойке «смирно» видели? Незабываемое зрелище, товарищ старший лейтенант! Стоит по струнке, глазом не смигнёт, оружие за плечиком сияет в исправности, подворотничок – сплит, надраенность бляхи проверять – только с закопчённым стеклышком. А уж сапог у Пинькова... Да какой прикажете, товарищ старший лейтенант. Хоть левый, хоть правый... Кирза ведь, а до какого совершенства доведена! Глянешь с носка – честное слово, оторопь берёт: такая, знаете, бездонная чернота с лёгким, понимаете, таким млечным мерцанием... Галактика, а не сапог, товарищ старший лейтенант!

– Рядовой Пиньков! – представляется рядовой Пиньков по всей форме. А сам ненароком возьми да и скоси глаз в сторону ямы. Ну, дед, понятно, всполошился, тоже туда глаз метнул. А там пупырчатый на задних лапах елозит – не знает,

от кого теперь банки заслонять: от Пинькова или от дедка от этого.

– А ну-ка, любезный, – поддрагивающим голосом командует дедок, – подвинься-ка в сторонку...

Пупырчатый туда-сюда, уши прижал, лоб наморщил, но видит, податься некуда, – отшагнул.

Смотрит дед: банки. Оглянулся быстро на Пинькова – и с перепугу в крик.

– Шкуру спущу! – кричит. – Смерти моей хочешь? Перед кем опозорил! Пятно на всю округу!..

Откуда ни возьмись – ещё четверо пупырчатых. Точь-в-точь такие же, никакой разницы – тоже, небось, банки тайком прикапывали, и не раз. Сели вокруг первого, готовность номер один: пасти раззявлены, глазёнки горят. И смотрят в предвкушении на деда – приказа ждут.

И ещё гномики какие-то... Как выглядят? Н-ну, как вам сказать, товарищ старший лейтенант... Гномики и гномики – пугливые, суетятся. Похватали банки и полезли с ними на дерево – на место прикреплять.

– Взять! – визжит дед.

Как четверо пупырчатых на первого кинутся! Шум, грызня, клочья летят... А дед берёт культурно Пинькова под локоток и уводит в сторонку от этого неприятного зрелища. А сам лебезит, лебезит, в глаза заглядывает.

– Нет, но каков подлец! – убивается. – Ведь отродясь не бывало... В первый раз... Как нарочно...

– Разорвут ведь, – говорит Пиньков, останавливаясь.

– У меня так! – кровожадно подтверждает дед, от усердия выкатывая глаза. – Чуть что – в ключья!.. Вы уж, когда докладывать будете... об этом, с банками, не поминайте, сделайте милость...

И уводит Пинькова всё дальше, в глубь оврага... Горы? Виноват, товарищ старший лейтенант, какие горы? Ах, горы... Разрешите доложить, с горами у Пинькова промашка вышла. Не горы это были, а самый что ни на есть овраг. Просто Пиньков его поначалу за ущелье принял...

Да и немудрено. Ведь что есть овраг, товарищ старший лейтенант? Тот же горный хребет, только наоборот.

– Ты погоди, дед, – говорит Пиньков. – Ты кто будешь-то? Звание у тебя какое?

Дед немедля забегает вперёд, руки по швам, глаза выкачены.

– Колдун! – рапортует.

«Эх, мать!» – думает Пиньков.

И пока он так думает, выходят они из овражного отростка в центральный овраг. Ну вроде как на проспект из переулка. Внизу речка по камушкам играет – чистенькая, прозрачная. И травяные квадраты – вверх по склону ступеньками.

– Извольте видеть, – перехваченным горлом сипит колдун, – вверенная мне территория содержится в полной исправности!..

И точно, товарищ старший лейтенант. Порожки-склончи-

ки от ступеньки к ступеньке дёрном выложены. На деревьях банки качаются в изобилии. И под каждым деревом пупырчатый на задних лапах.

«Э! – спохватывается Пиньков. – Да ведь он меня так до вечера по оврагу таскать будет!»

Спыхватился и говорит:

– Слушай, дед. Я ведь не проверяющий. Я сюда случайно попал.

Колдун аж обмяк, услышав.

– А не врёшь? – спрашивает жалобно.

– Мне врать по Уставу не положено, – бодро и молодежески отвечает Пиньков.

– Эй там! – сердито кричит колдун. – Отставить! Ошибка вышла...

Ну, по всему овражному склону, понятно, суета, суматоха: кто на дерево лезет лишние банки снять, кто что...

– Эх, жизнь собачья... – расстроено вздыхает колдун. – Главное, служивый, не знаешь ведь, с какой стороны эта проверка нагрянет. Дёрн, видишь, со всего низового овражья ободрали, сюда снесли – а ну как оттуда проверять начнут? Прямо хоть обратно неси...

– И часто у вас проверки? – интересуется Пиньков.

– Да вот пока Бог миловал...

– Что, вообще ни одной не было?

– Ни одной, – говорит колдун.

А лет ему, товарищ старший лейтенант, по всему видать,

немало. Колдуны – они ведь завсегда моложе кажутся, чем на самом деле.

– Так, может, никакой проверки и не будет? – сомневается Пиньков.

Обиделся колдун.

– Ну, это ты, служивый, зря... Проверка обязательно должна быть – как же без проверки?

Ну не врубается в ситуацию, товарищ старший лейтенант! Человеку в караул заступать, а он с проверкой со своей...

– Дед! – говорит Пиньков. – Помог бы ты мне отсюда выбраться, а? Служба-то ведь не ждёт.

Встрепенулся колдун, глаза было хитрые-хитрые сделались, но как услышал слово «служба» – испугался, закивал.

– Да-да, – говорит. – Служба. Это мы понимаем. Не извольте беспокоиться, сам до полянки провожу, сам отправлю...

И видно, что Пинькова он всё-таки побаивается. Если даже и не проверяющий – всё равно ведь непонятно, кто такой и зачем явился. Бляха-то вон как сверкает!

Двинулись, короче, в обратный путь.

– Слушай, дед, – говорит Пиньков. – А чего ты так этих проверок боишься? Ты ж колдун!

Усмехнулся дед криво, зачем-то вверх посмотрел.

– Колдун, – отвечает со вздохом. – Но не Господь же Бог!

– Это понятно, – соглашается Пиньков. – Бога-то нет...

Просто так, из вежливости, беседу поддержать. А колдун

вдруг остановился, уставился прямой наводкой – и смотрит.

– Как нет? – спрашивает.

– А так, – малость растерявшись, говорит Пиньков. – Нету.

– А кто вместо?

– Вместо кого?

– Ну, того... этого... о ком говорим, – понизив голос, поясняет колдун. А глаза у самого так и бегают, так и бегают.

– Тёмный ты, дед, – смеётся Пиньков. – В лесу, что ли, рос? Никого нету, понял? Ни Бога, ни вместо...

Он ведь, товарищ старший лейтенант, не просто рядовой Советской армии – он ещё и отличник боевой и политической подготовки. Среди ночи нарочно разбудите, спросите: «Есть Бог?» – отрапортует без запинки: «Никак нет, товарищ старший лейтенант! Нету!»

Обводит колдун диким взглядом вверенную ему территорию, и начинает до него помаленьку доходить.

– А-а... – тянет потрясённо. – То-то я смотрю...

Ну шутка ли – столько информации сразу на голову рухнуло! Всё равно что карниз с казармы – помните?

– Мне в караул заступать, дед! – стонет Пиньков. – Пошли, да?

Очнулся колдун и сразу куда-то заторопился.

– Ты, служивый, это... – И глаза прячет. – Ты знаешь что? Ты уж сам туда дойди, а? Тут рядом ведь... Недалеко то есть...

– Да ты погоди, дед! – ошеломлённо перебивает Пиньков. – А как же я без тебя обратно-то попаду?

– А как сюда попал, только наоборот, – впопыхах объясняет дед. – А я побегу. Забыл, понимаешь, совсем: дела у меня, служивый, ты уж не обессудь...

И – рысит уже чуть ли не вприпрыжку вниз по оврагу.

Странный колдун, подозрительный...

А полянку, между прочим, искать пришлось: они ж одинаковые все, квадратные. Еле нашёл. Один был ориентир – яма из-под банок. Так они уже её засыпали и травинок понавтыкали. Под деревом, понятно, пупырчатый навтыжку – опасноливо на Пинькова поглядывает, но не давешний – другой, хотя и одноглазый, хотя и ухо откушено. Потому что увечья, товарищ старший лейтенант, сразу видно, давние.

Сориентировался Пиньков на местности и приступил. Но это легко сказать: «Так же, как сюда попал, только наоборот», – а вы попробуйте, товарищ старший лейтенант, из стойки «смирно» совершить поворот через правое, смешно сказать, плечо и отпечатать строевым два шага назад! Спиной вперёд то есть. Да нипочём с непривычки не получится!

Опять же нервничать начал. Время-то идёт! Это мы с вами, товарищ старший лейтенант, знаем, что на плацу и в овраге оно идёт по-разному, а Пиньков-то ещё не знал!.. А нервы в военном деле, разрешите доложить, вещь серьёзная. Помните того приписника, который на прошлых сборах в фотографа стрелял? Ну как же! Три километра с полной вы-

кладкой, а потом ещё полоса препятствий. Переваливается из последних сил через последнюю стенку, а за стенкой фотограф ждёт. «Улыбнитесь, – говорит, – снимаю!» А патроны-то – боевые! Хорошо хоть не попал ни разу – руки тряслись...

Так вот, бился-бился Пиньков – аж взмок. Да ещё автомат тут мешается! Снял его Пиньков, отложил на травку, решил сначала тренаж без автомата провести, а потом уже с автоматом попробовать.

А тут и сумерки наступили – в овраге-то темнеет быстро. Мрак, товарищ старший лейтенант. Видимости – ноль. Так, кое-где глазёнки жёлтые сверкнут на секунду, банка о банку брякнет, да ещё шум от рытья земли передними лапами то здесь, то там. Ночная жизнь, короче.

И вдруг – получилось! Достиг-таки рядовой Пиньков необходимой чёткости исполнения. Глядь – стоит он опять перед строем, как будто и секунды с тех пор не прошло.

...Ну, в строю, понятно, шевеление – шутка ли: бойцы на глазах пропадать и появляться начали! Старшина догадался – скомандовал: «Отделение, разойдись!» И кинулись все к Пинькову.

Доложил Пиньков что и как. Старшина в затылке скребёт, рядовой состав тоже удивляется – не знают, что и думать. Не стрясись такое прямо перед строем – ни за что бы не поверили...

Краска? Какая краска? Ах, на сапогах, зелёная... Так ведь

они с колдуном по полянам шли, товарищ старший лейтенант. Травка, значит, слегка пожухла, так гномики её, видеть, подновили слегка. А гуашь – она ж маркая...

Разрешите продолжать? Есть!

– Э, браток! – говорит вдруг старшина. – А автомат-то твой где?

Смотрят все: нет автомата.

– Стало быть, – бледнея, говорит Пиньков, – я его там оставил...

– Э, браток... – говорит старшина.

А что тут ещё скажешь? Сами знаете: «За утрату и промотание казённого имущества...» Ну, промотания, положим, никакого не было, но утрата-то налицо!.. Ясно, короче, что хочешь не хочешь, а придётся Пинькову туда опять лезть.

– Стройся! – командует со вздохом старшина.

Построились.

Смотрит старшина на орла Пинькова и понимает, что в таком виде орлу Пинькову пространства нипочём не прорвать: щетина, гуашь эта на сапогах, да и бляха потускнеть успела...

– Отставить! – командует.

Привели Пинькова в порядок, пылинки смахнули. Оглядел его ещё раз старшина и говорит:

– Ты вот что, браток... Возьми-ка ещё один боекомплект. Ситуация, она ведь всякая бывает. А ты у нас вроде как на боевое задание идёшь...

Зачем ему патроны без автомата? Ну а вдруг, товарищ

старший лейтенант! Старшина ведь верно сказал: ситуация – она всякая бывает...

Отчислили Пинькову под ответственность старшины два полных рожка и снова построились.

– Равняйся! Смир-рна! Рядовой Пиньков!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

Вот когда проверяется, товарищ старший лейтенант, насколько развито у бойца чувство ответственности! Вбив в зазвеневший плац два строевых шага, рядовой Пиньков со сверхъестественной чёткостью повернулся через левое плечо – и снова очутился в овраге. С первого раза.

Глава 2

*О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий.
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.*

Нет автомата. Разворошил траву, землю пощупал – нету. «Э! А туда ли я попал вообще?» – думает Пиньков.

И в самом деле, товарищ старший лейтенант, не узнать местности. Во-первых, в прошлый раз лето было, а теперь вроде как осень: листья сохнут, желтеют, падают. А во-вторых, бардак, товарищ старший лейтенант! Трава не стрижена, листву сгребать никто и не думает, поляна уже не квадратная – расплылась, съела гравийные дорожки, зато в траве кругом тропки протоптаны. Раньше, значит, ходили как положено, а теперь ходят как удобно. А автомат кто-то подобрал, не иначе. И хорошо, если так. А то ведь поди пойми, сколько тут в овраге времени прошло, пока Пиньков старшине о своих приключениях докладывал! Может, месяц, может, год, а ну как все пять лет? Проржавел бы в гречневую кашу – под открытым-то небом!

И направился рядовой Пиньков к ближайшему дереву. К тому самому.

Полпути ещё не прошёл, а сообразил, что никакая это не осень. Болеет дерево. Мало того что листья желтеют и сох-

нут, банки тоже скукожились, помельче стали, искривлённых полно, деформированных, кое-где уже бочок ржавчиной тронут...

Под деревом должен бы пупырчатый стоять на задних лапах – пусто. Возле самых корней – норы какие-то, земля кучками.

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – говорит Пиньков.

В одной из нор что-то заворчалось, и вылезает пупырчатый. Но какой! Уж на что Пиньков не робкого десятка – и то попятился. Бегемот, честное слово! Лоб – низкий, глазёнки – злобные, загривок прямо от ушей растёт. Уставился на Пинькова, с четверенек, правда, не встаёт, но видно, что колеблется: не встать ли на всякий случай?

– Слышь, браток, – дружески обращается к нему Пиньков. – Ты тут на полянке автомата моего случаем не видел?

Ошибка это была, товарищ старший лейтенант. Явный тактический просчёт. Как услышал пупырчатый, что добром его о чём-то просят, засопел, скосомордился... Зарычал в том смысле, что гуляй, мол, свободен, и снова в нору полез. Кормой вперёд.

«Что это они так разболтались? – озадаченно думает Пиньков. – Может, колдун помер?»

Постоял он, постоял перед норой и решил не связываться – ну его, уж больно здоровый... Повернулся и пошёл в сторону центрального оврага – тем путём, что в прошлый раз шли. Доберусь, думает, до речки, а там уж выпрошу, где

этого колдуна искать.

Идёт и головой качает. Во что овраг превратили – больно смотреть! Там банка пустая лежит ржавеет, там деревце в неположенном месте проклюнулось... А сорняки по обе стороны всё выше и выше. Вот уже в человеческий рост пошли...

И тут из-за поворота тропинки выкатывается ему навстречу гномик. Счастливый, сияет, а в руках – помятая банка сгущёнки с пятнышком ржавчины...

То есть не сгущёнки, какой сгущёнки?.. Тушёнки, конечно! Хотя... Ну точно, товарищ старший лейтенант! Там и сгущёночные деревья тоже были, только у них плоды белые и помельче – граммов на триста...

Так вот, увидел гномик Пинькова – перепугался. Стал быстренько на четвереньки, сделал одно плечико выше другого и робко, неуверенно так зарычал. Пупырчатым, что ли, прикинуться хотел? Неясно...

– Ты больной или голодный? – прямо спрашивает его Пиньков.

Гномик ужасно смутился, встал с четверенок и, чуть не плача, протягивает банку Пинькову.

Не понял его Пиньков.

– Чей паёк?

– Мой.

– А чего ж ты мне его суёшь?

– Всё равно ведь отнимешь! – рыдающе говорит гномик.

«Порядочки!» – думает Пиньков.

– А где живёшь?

– В яме.

– Да вижу, что в яме... Далеко это?

– А вон, за бурьяном...

– Тогда пошли, – говорит Пиньков. – Ну чего уставился?

Провожу тебя до твоей ямы, чтобы банку никто не отобрал. А ты мне по дороге расскажешь, что у вас тут в овраге делается.

– А ты кто? – поражённо спрашивает гномик.

Поглядел на него Пиньков: вроде малый неплохой, забитый вот только, запуганный...

– Зови Лёшей...

И пока до ямы шли, товарищ старший лейтенант, гномик ему такого понарассказывал!.. Короче, эти две расы (в смысле – гномики и пупырчатые) живут в овраге издавна. И каждая имеет свои национальные традиции... Так вот пупырчатые в последнее время обнаглели вконец! Нарыли, понимаете, нор под деревьями, живут в них целыми сворами, а деревья от этого сохнут, пропадают. А крайними опять выходят гномики: дескать, не поливали. А попробуй полей: не дай Бог нору зальёшь кому-нибудь – пополам ведь перекусит!..

Гномикам, товарищ старший лейтенант, вообще житья не стало. Придёшь за банкой, за своей, за положенной – так он ещё и не даёт, куражится – скучно ему!.. Обойди, рычит, вокруг дерева на руках – тогда посмотрим. Обойдёшь, а он всё

равно не даёт, придирается: не с той, мол, руки пошёл...

Никак нет, товарищ старший лейтенант, человеческой речью пупырчатые не владеют. Рычат, рывкают по-всякому... Как их гномики понимают? А куда денешься, товарищ старший лейтенант! Приходится...

Вот и Пиньков тоже возмутился, не выдержал:

– А куда ж колдун смотрит?

И тут выясняется интереснейшая деталь: оказывается, колдун уже года три, как в овраге не показывался. Раньше-то при нём пупырчатые какие были? Рёбра одни с позвоночником!.. Нет, воровать они, конечно, и тогда воровали, но хотя бы жрать боялись наворованное! Чуть поправишься – улика налицо...

– Что же всё-таки с колдуном-то, а? – размышляет вслух рядовой Пиньков.

– Я так думаю, – говорит гномик, и в глазах у него начинает светиться огромное уважение, – что у колдуна сейчас какие-то серьёзные дела. Такие серьёзные, что нам и не снились. А вот закончит он их, поглядит, что в овраге делается, и строго пупырчатых накажет.

«Хорошо, если так, – думает Пиньков. – Хуже, если помер».

Добрались до ямы. Яма как яма, на четверых гномиков рассчитанная, живут шестеро. Остальные пятеро, правда, временно отсутствуют – на работах где-то, а у этого, что с Пиньковым (его, кстати, Голиафом зовут), у него вроде как

отгул.

Да нет, товарищ старший лейтенант, нормальный гномик – ростом чуть выше автомата. А Голиафом его зовут не потому что здоровый, а потому что в лоб то и дело получает...

Спустились они в яму, банку в уголке прикопали, сидят, беседуют.

– Так, значит, говоришь, года три уже? – хмурится Пиньков.

– Или четыре, – неуверенно отвечает гномик. – Да вот сразу после проверки...

– А! – говорит Пиньков, оживившись. – Так, значит, была всё-таки проверка?

– Была, – подтверждает гномик. – Сам-то я, правда, не видел, но говорят, была.

Любопытство разобрало Пинькова.

– Слушай, а как проверяющий выглядел?

– Проверяющий?.. – с тихой улыбкой восторга говорит гномик. – Высокий, выше колдуна... В одеждах защитного цвета... Пуговицы – сияют, бляха – солнышком. А уж сапоги у него!..

Тут смотрит гномик на Пинькова, умолкает и, затрепетав, начинает подниматься в стойку «смирно».

– Да сиди ты! – с досадой говорит Пиньков. – Тоже мне проверка! Никакая это была не проверка. Я это был...

Сел гномик, дыхнуть не смеет и держит равнение на Пинькова.

– Сказано тебе: вольно... – сердито говорит Пиньков. – А про автомат про мой ты нигде ничего не слышал?

Не знает гномик, что такое автомат. Пришлось объяснить.

– Нет, – отвечает, подумав. – Про реликвию слышал, а вот про автомат – ни разу...

Насторожился Пиньков.

– А что за реликвия?

А реликвия, товарищ старший лейтенант, следующая. Во-первых, чёрт его знает, что это такое. Во-вторых, слышно о ней стало года три-четыре назад, то есть по времени вполне совпадает. В-третьих, известно, что стоит она в некой пещере, а пещера эта находится аж в низовом овражье за ободранной пустошью. И многие в эту реликвию верят.

– А как она хоть выглядит? – допытывается Пиньков. – Ствол есть? Затвор есть?

– Может, и есть... – вздыхает гномик. – Одним бы глазком на неё взглянуть...

Задумался Пиньков.

– А как считаешь, – спрашивает, – знает колдун, где сейчас мой автомат?

Гномик даже встал от почтительности.

– Колдун знает всё, – объявляет торжественно.

– Знает он там с редькой десять! – недовольно говорит Пиньков. – Что ж ты думаешь, я с ним не беседовал?

Гномик брык – и в обморок. Не привык он такие вещи про колдуна слышать. Минут восемь его Пиньков в созна-

ние приводил. Хлипкий народец, товарищ старший лейтенант, нестройной...

Оживил его Пиньков, поднял, к стеночке прислонил.

– А далеко отсюда этот ваш колдун живёт? – спрашивает.

– День пути, – слабым голосом отвечает гномик. – Только там не пройдёшь – пупырчатых много...

Сомнительно? Виноват, товарищ старший лейтенант, что именно сомнительно? Ах в смысле: почему колдун в прошлый раз так быстро явился к Пинькову, если день пути?.. Трудно сказать, товарищ старший лейтенант. Видимо, по каким-то своим каналам. А может, просто рядом околачивался...

– В общем так, Голька, – говорит Пиньков (Голька – это уменьшительно-ласкательное от Голиафа). – Пойдём-ка мы к колдуну вместе. Я его про автомат спрошу, а ты всё, что мне рассказывал, ему расскажешь. Надо с этим бардаком кончать.

А сам уже изготовился гномика подхватить, когда тот в обморок падать начнёт. И верно – зашатался гномик, но потом вдруг выправился, глаза вспыхнули.

– Да! – говорит. – Пойду! Должен же кто-то ему сказать всю правду о пупырчатых!

И – брык в обморок. А Пиньков уже руки успел убрать.

Оживил его по новой – и двинулись. А чего тянуть? Глазомер, быстрота и натиск! Поначалу гномик этот, Голиаф, дорогу показывал, а как тропки знакомые кончились – шаг,

конечно, пришлось убавить, а бдительность удвоить.

Вышли в центральный овраг. Та же картина, товарищ старший лейтенант. Речка по камушкам банки ржавые перекатывает, о террасах-ступеньках одна только лёгкая волнистость склонов напоминает.

– Ну и куда теперь? – спрашивает Пиньков.

Оказалось – вверх по течению. Колдун, по слухам, живёт в самом начале центрального оврага – бункер там у него, что ли...

И тут, товарищ старший лейтенант, вспомнил Голиаф, что банку-то они как в уголке тогда прикопали, так и оставили. Но не возвращаться же! Зашли-то далеко...

«Плохо дело, – думает Пиньков. – Дневной переход на голодный желудок – это уже не служба, а так, несерьёзность одна...»

– Слышь, Голька, – обращается он к гномику, – а банку эту тебе на сегодня выдали?

– Что ты! Что ты! – Голька на него даже ручонками замахал. – Банка – это не на день. Это на неделю.

– Н-ни черта себе! – говорит Пиньков. – Выходит, за эту неделю ты уже всё получил?

– Ну да – за эту... – слабенько усмехается Голиаф. – Это за позапрошлую, и то еле выпросил...

– Ага... – говорит Пиньков и начинает соображать. Сообразил и говорит: – Слышь, Голька, а как пупырчатые определяют, кому положена банка, а кому нет?

– А по рёбрам... – со вздохом отвечает Голиаф.

Тут такая тонкость, товарищ старший лейтенант: если гномик возьмёт вдруг и помрёт с голоду, то у пупырчатых из-за него могут быть крупные неприятности. Но, конечно, могут и не быть.

Продолжают, короче, движение. От деревьев на всякий случай держатся подальше, а если услышат, что кто-то по тропинке навстречу ломится, то прячутся в бурьян. Причём прятаться всё труднее, сорняки заметно ниже стали. И поляны тоже мало-помалу некую слабую квадратность обретать начинают. Оно и понятно: к начальству ближе – порядку больше.

Ну и наконец всё. Пришли. В смысле – трава дальше стриженная и не демаскироваться просто невозможно. Присели в бурьяне, наблюдают за ближайшим деревом.

– Нет! – говорит минут через пять Пиньков. – Не могу я этот бардак видеть!

Достал из-за голенища бархотку и придал сапогам надлежащую черноту с млечным мерцанием.

– Значит, так, Голька, – инструктирует. – Посиди здесь немного, а потом иди и проси банку. Она тебе положена.

Поднимается в рост и твёрдым начальственным шагом направляется к дереву. Пупырчатые из нор вылезли, пасти потворяли, смотрят.

– Встать! – рявкает рядовой Пиньков. – Смир-рна!

Опешили пупырчатые, переглянулись. Ну и как всегда,

товарищ старший лейтенант, нашёлся один слабонервный – встал. А за ним уже и остальные. Трудно им с непривычки на задних лапах, но ничего – стоят, терпят.

– Кто дневальный?! – гремит рядовой Пиньков. – Какую команду положено подавать, когда подходит старший по званию?!

...Как может быть рядовой старшим по званию? Ну это с какой стороны взглянуть, товарищ старший лейтенант! Взять, к примеру, наш рубль – уж, казалось бы, мельче денег не бывает... А если перевести на лиры? Вот то-то и оно... Так неужели же один наш рядовой не стоит десятка ихних пупырчатых?!

Проходит Пиньков вдоль строя, и никакая мелочь от его глаза укрыться не может.

– Как стоишь?! Носки развернуть по линии фронта на ширину ступни! Ноги в коленях выпрямить! Живот подобрать! Подобрать, я сказал, живот!..

И тычет пупырчатого кулаком в бронированное брюхо. Тот бы и рад его втянуть, да куда его такое втянешь! А у Главаря их, у правофлангового, ещё и клочок волос торчит на загривке.

Вознегодовал Пиньков.

– Эт-то ещё что за плацдарм для насекомых? Сбрить!

– Есть! – с перепугу рявкает пупырчатый.

Вот что значит дисциплина, товарищ старший лейтенант! Животное ведь, носорог носорогом – и то человеческий го-

лос прорезался!..

А тут и Голиаф подходит – робко, бочком. Пиньков и на него сторяча пса спустил – вернул к бурьяну, потребовал подойти и попросить банку как положено.

Ох как не хотелось пупырчатому банку-то отдавать! Взят-ся было за искривлённую, с ржавым бочком, но покосился на Пинькова и передумал – полновесную сорвал, чистенькую.

Выждал Пиньков, пока Голька с банкой отойдёт подальше, и скомандовал:

– Вольно! Продолжайте по распорядку.

Волосатый пупырчатый с облегчением опустил на четвереньки, перевёл дух и так рыкнул на прочих, что разлетелись все вмиг по норам.

Догнал Пиньков Голиафа.

– Ты – колдун, – с трепетом говорит ему гномик.

– Какой там колдун! – хмурясь отвечает Пиньков. – Жить надо по Уставу – вот тебе и всё колдовство.

Между прочим, глубокая мысль, товарищ старший лейтенант.

Глава 3

*О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий.
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.*

Но в световой день они, конечно, не уложились. А ночной марш в условиях оврага – это, разрешите доложить, дело гиблое. Пупырчатые, товарищ старший лейтенант, в темноте видят, как кошки, а вот у гномиков наоборот: чуть сумерки – и сразу куриная слепота.

Стали думать, где ночевать. Пиньков предложил было нагрнуть с проверкой в какую-нибудь нору, нагнать на пупырчатых страху и остаться там на ночь. Но, во-первых, чем страх нагонять-то? Время позднее, пуговицы с бляхой отси-яли и не впечатляют в сумерках. А во-вторых, Голиаф, пока ему Пиньков эту свою мысль излагал, три раза в обморок падал...

Хочешь не хочешь, а приходится продолжать движение. Чернота кругом, ногу ставишь – и не видишь куда. Ну и поставили в конце концов. Хорошо хоть высота была небольшая – без травм обошлось.

Вроде бы яма. Довольно просторная и, похоже, пустая. Фанеркой почему-то перегороджена. А пощупали в углу – гномик. Скорчился, трясётся... Почувствовал, что шупают,

и – в крик:

– Я – селекционер! Я – селекционер!..

– Обязательно вопить надо, раз селекционер? – сердито спрашивает Пиньков.

Удивился гномик, замолчал, но дрожать – всё ещё дрожит.

– Ну и что ты тут, селекционер, селекционируешь?

Оказалось, деревья. Вот так, товарищ старший лейтенант! Оказывается, и тушёночные, и сгущёночные, и разные прочие – всё это на поверку выращено гномиками. Народец-то, оказывается, талантливый, хоть и забитый. Угнетаемое национальное меньшинство. А может, и большинство – кто их там когда считал!.. И им же, главное, вредительство шьют: нарочно, дескать, такие деревья вывели, что, стоит под ним нору вырыть, как оно тут же сохнуть начинает.

Чистая дискриминация, товарищ старший лейтенант!

А этот, которого в углу нащупали, он, значит, как раз и занимается селекцией: ну там прививает одно к другому, опыляет по-всякому... За это ему банку в неделю выдают аккуратно, и яма у него попросторнее.

Ну, слово за слово, осмелел селекционер, разговорился, даже, кажется, расхаживать стал по яме – голос в темноте туда-сюда мотается. Пощупал в углу Пиньков – точно, нет гномика, одна только вмятина от него.

– Главная наша беда, – излагает из темноты селекционер, – что мало банок. Банок должно быть много. И тогда

всем будет хорошо. Пупырчатые любят гномиков. Гномики любят пупырчатых...

– Это когда ж такое будет? – раздаётся тут развязный голос из-за фанерной перегородки.

– Скоро! Очень скоро! – запальчиво восклицает селекционер. – Вот только новое дерево выведу! Банок на нём будет видимо-невидимо!..

– Нор под ним будет видимо-невидимо, – ещё развязнее отвечает голос из-за перегородки.

Очень странный голос, товарищ старший лейтенант. Гномики обычно разговаривают тихо, почти шепчут... А пупырчатые человеческой речью, как я уже докладывал, не владеют. Тот случай в строю – редчайшее исключение, чудо, можно сказать...

– Кто это у тебя там? – спрашивает Пиньков.

– Да помощник... – смущённо говорит селекционер. – Талантливый мальчуган, только испорченный сильно...

– Понятно, – говорит Пиньков. – Вы мне вот что, ребята, скажите: до колдуна далеко отсюда?

– А колдуну всё до фени, – тут же встречается голос из-за перегородки. – Он проверяющему взятку сунул.

Рядом в темноте – бум! Глухо и мягко, словно тучок с метровой высоты упал. Голиаф, конечно.

– Молчи! – вне себя кричит селекционер. – Я тебя по доброте покрываю! Ты нарочно в прошлый раз сгущёнку к тушёнке привил!

«Ничего себе! – ошеломлённо думает Пиньков. – Да что они, с ума тут посходили? Когда это он мне взятку давал?..»

– Ну и привил! – нахально отвечает испорченный мальчуган. – А что мне терять? Меня вон сожрать обещали! И сожрут...

– Ну, ребята... – покачав головой, говорит Пиньков. – Моё дело, конечно, сторона, но пора вам, по-моему, отделяться, на фиг.

В темноте шорох – Голиаф очнулся и на ноги поднимается.

– Куда-куда отделяться? – робко переспрашивает хозяин ямы.

Объяснил Пиньков. И тут же – бум! бум! – селекционер с Голиафом.

– Что? Уже отделились? – спрашивает наглец из-за перегородки, хотя прекрасно ведь понимает, что произошло...

Да нет, какой сепаратизм, товарищ старший лейтенант? Ну сами подумайте: где Россия и где овраг!.. И потом Пиньков же сразу оговорился: моё, мол, дело – сторона... Просто дружеский совет, да и не совет даже, а так, сочувствие... Обидно же за гномиков-то!..

Короче, в яме и заночевали. Подъём сыграли чуть свет. Утро, товарищ старший лейтенант, прямо-таки лучезарное. Речка разлилась – аж до того берега! Дали кругом расстилаются... Так точно, в овраге... А почему нет, товарищ старший лейтенант? Впереди – да, согласен, впереди овраг смы-

кается, а если оглянуться, то там он, напротив, расходится, расходится... до бесконечности. Есть такое явление в природе: два луча, например, из одной точки... Так что если в ту сторону, то расстилающиеся дали там вполне могли быть... И даже были...

К полудню добрались до колдуна. Бункер не бункер, но что-то вроде. Одной гранатой развалить можно. В предбаннике пупырчатая сидит... Так точно, не пупырчатый, а пупырчатая... Виноват, товарищ старший лейтенант, иногда очень даже хорошенькие попадаются. Пока, конечно, хайло не откроют.

Ну, Пиньков – парень бравый, видный, подмигнул, потрепал этак игриво по холке – та, дура, и растаяла.

Прошли в бункер. А там ещё один пупырчатый, да такой, что и «Смирно!» ему не скажешь. А скажешь – всё равно толку не будет, потому что потолок в бункере низковат.

– К колдуну с докладом, – говорит рядовой Пиньков.

А мордovorот этот его вроде и не слышит – смотрит с весёлым удивлением на съёжившегося Голиафа и как бы прикидывает: сразу его сглотнуть или погодить немного.

– Э! Э! – говорит Пиньков. – Ты на него так не смотри. Это со мной.

В жёлтеньких глазёнках у пупырчатого – сожаление. Поглядел ещё раз на Голиафа, вроде даже вздохнул и нехотя отвалил корму от стенки. А там – дверца. К колдуну, видать.

Хотели оба пройти – не тут-то было! Пинькова пупырчатый пропускает, а на гномика рычит: нет, и всё. Что тут будешь делать!

– Ладно, – говорит Пиньков. – Придётся тебе, Голька, в предбаннике подождать. Если кто обидит... – тут Пиньков поворачивается и пристально смотрит в глаза пупырчато-му. – Скажи мне – голову буду свёртывать против резьбы. Чтоб враз и навсегда.

Вошёл. Лежит колдун живёхонький на диванчике и, глядя в потолок, умиротворённо чему-то улыбается. Увидел Пинькова – обрадовался.

– А, служивый! Здорово, здорово...

– Здоровей видали, – холодно отвечает ему Пиньков. – Ты что ж делаешь, дед?

– А что такое?

– Да то самое! В овраге-то, а? Бардак!.. Пупырчатые, а? Кровь пьют шлангами! Хрящ за мясо не считают!..

– Быть того не может, – лукаво отвечает колдун. – Мне об этом никто не докладывал...

– Ещё бы они тебе сами на себя стучали! – говорит Пиньков. – Ты на гномиков посмотри! Пропадают гномики-то! Ведь до чего дошло: селекционеры и те впроголодь живут!..

– Да-да, – прикинувшись озабоченным, говорит колдун. – Вот это действительно безобразие! Я и сам, знаешь, собирался селекционерам ставки поднять...

– Да разве в одних селекционерах дело? – перебивает его

Пиньков. – Я вон гномика с собой привёл, он тебе больше моего расскажет!

– Ни-ни-ни, – испуганно говорит колдун. – Ни в коем разе. Сам говоришь: порядок должен быть. А по порядку это не ко мне. Это к моему заместителю по гномиковым делам.

– Это какой же заместитель? – спрашивает, ужаснувшись, Пиньков. – Это тот, что ли, мордovorот за дверцей? Да он же гномиков живьём глотает – по нему видно!

– Строг, – бодро соглашается колдун. – Что строг, то строг. Пожаловаться не могу.

– Ну, дед! – говорит Пиньков. – Ну, дед! Завалил ты службу!

Сбросил колдун ноги на пол, сел, руки в бока упер.

– Ну и завалил! – признаёт с вызовом. – И что мне за это будет? Бога-то всё равно нет!

Вот так, товарищ старший лейтенант! Верно поэт предупредал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Это нам с вами – что есть Бог, что нет его – Устав помним и службу знаем. А такие вот, как этот колдун... Он пока грозу чувствует – вроде бы ничего служит. Но как только понял, что начальства над ним нету – всё! Рви провода, топчи фазу...

«Вот это удружил я гномикам!» – думает Пиньков.

– Ну ладно, – говорит он, вроде бы остывая. – Бог с ним, с Богом. Я ведь к тебе по другому делу-то. Вот когда я в прошлый раз здесь был, у меня такая штука, помнишь, за пле-

чом висела. Автомат называется.

– Ну, – соображая, говорит колдун.

– Ну так вот оставил я его здесь. А вещь казённая, я за неё отвечаю. Ты думаешь, почему я вернулся-то?..

Обрадовался колдун.

– Ну вот, – говорит. – Сам на сознательность давишь, а сам казённые вещи бросаешь где попало.

– Не твоя печаль, – отвечает Пиньков. – Я бросил – я и отвечаю. Ты мне лучше скажи: он не у тебя тут случаем?

– Кто?

– Автомат.

– А что, на месте нету?

– Да нету, – говорит Пиньков. – Смотрел.

– Ну, значит, подобрал кто-нибудь, – говорит колдун.

– А кто?

– А кто ближе – тот и подобрал.

«Ага, – размышляет Пиньков. – Значит, скорее всего, тот пупырчатый из-под ближнего дерева. Зря я тогда с ним до конца не разобрался...»

– Погоди-ка, – говорит. – А вот, болтают, ещё реликвия какая-то где-то там у гномиков появилась. Может, автомат, как думаешь?

– А Бог её знает, – беззаботно отвечает колдун, тонко давая понять, что помнит он, помнит про отсутствие Бога.

«А! – думает Пиньков. – Была не была! Попробуем взять на пушку».

– Слышь, дед, – говорит. – А ведь я в прошлый раз нарочно тебе соврал. Вижу: развёл, понимаешь, показуху! Дай, думаю, совру, что Бога нет. Так что погорел ты, дед! Нет Бога кроме Бога, а я – Проверяющий Его.

Уставился колдун на Пинькова – и ну хохотать:

– Ой, не могу... – Одной рукой отмахивается, другой слёзы утирает. – Ой, распотешил, служивый... Ой, уморил... Да ежели бы Бог был – он меня давно бы уже громом пришиб!.. Так что ступай, служивый, ступай... Ищи своё имущество, а то влетит...

– Ну ладно, дед! – в сердцах говорит Пиньков. – Ну ладно! Только имей, дед, в виду: отыщу автомат – тебя первого в расход выведу!

– И большой расход? – с хитрецей спрашивает колдун. (Тёмный, видать, неграмотный.)

– А вот найду – узнаешь! – отрезал рядовой Пиньков и вышел, хлопнув дверцей.

Глава 4

*О воин, службою живущий!
Читай Устав на сон грядущий.
И утром, ото сна восстав,
Читай усиленно Устав.*

Вышли из бункера.

– Ну что? – слабеньким голосом спрашивает Голиаф. –

Накажет?

– Кто?

– Колдун.

– Кого?

– Пупырчатых.

Оглянулся Пиньков на бункер, насупился.

– Ага, – говорит. – Накажет. Со временем... Давай-ка,

Голька, подтянись. Чтобы морда была бодрая – от колдуна идём...

Всё по Уставу, товарищ старший лейтенант. Присутствие духа солдату терять не положено ни в каком случае. Пересекли стриженую зону с бодрыми мордами, ну а в бурьяне уже призадумались. Согласитесь, товарищ старший лейтенант, было над чем призадуматься.

И вдруг где-то совсем рядом – шум, гам, визг!..

– Ложись!

Залегли.

– Жди здесь, – тихо командует рядовой Пиньков и ползёт на шум. Выглянул из-за куста, а там... Чистое побоище, товарищ старший лейтенант! Гномиков нет – одни пупырчатые. Ну разборка разборкой. Шерсть летит, хвосты хрустят, ухо лежит выплюнутое...

Подивился Пиньков на такое дело и пополз обратно.

– Ничего себе! – говорит. – Выходит, они у вас и друг друга тоже?..

– Ещё как! – вздрагивая, отвечает Голиаф. – Дня не проходит, чтобы не погрызлись...

– А им-то чего делить? – недоумевает Пиньков.

– Да деревья...

И выясняется ещё одна тонкость: оказывается, пупырчатые гномиков даже и за врагов не считают. Да оно и понятно, товарищ старший лейтенант! Ну сами подумайте, ну какой из гномика враг, если он даже укусить никого как следует не может!.. Так что главный враг пупырчатых – сами пупырчатые. Отъелись, размножились, а деревьев-то не прибавляется! Вот и рвут друг друга почём зря... Ну а гномикам в такой ситуации главное – не подворачиваться. Подвернёшься – перекусят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.